

The background of the cover is a close-up, profile photograph of a woman with long, wavy, reddish-brown hair. Her face is partially in shadow, and her eyes are closed. A red cord is visible at the bottom left. Overlaid on the top half of the image is the author's name 'Kerry Lonsway' in a large, elegant, dark cursive script. Below this, the author's name is repeated in a smaller, white, sans-serif font.

КЭРРИ ЛОНСДЕЙЛ

БЕЗ ЛИШНИХ
СЛОВ

AMAZON
CHARTS

& WALL STREET
JOURNAL
BESTSELLING
AUTHOR

Бестселлер Amazon.com. Романтическая
проза Кэрри Лонсдейл и Сары Пэйнтер

Кэрри Лонсдейл
Без лишних слов

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Лонсдейл К.

Без лишних слов / К. Лонсдейл — «Эксмо», 2021 — (Бестселлер Amazon.com. Романтическая проза Кэрри Лонсдейл и Сары Пэйнтер)

ISBN 978-5-04-157421-5

Карсоны и Уитмены – две семьи, чьи дети-подростки отлично ладят и проводят летние каникулы в одном доме. Но родители не всегда находят время следить за своими детьми, и происходит череда событий, которая разрушает летнюю идиллию. Более десяти лет спустя Оливия, любимая дочь Карсонов, встречает странного, плохо разговаривающего подростка Джоша, который оказывается сыном ее младшей сестры Лили. Из-за давней ссоры Оливия и Лили не общаются, но теперь Оливии придется отыскать сестру, а заодно разобраться с давними семейными тайнами, что годами отравляли ее жизнь.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-157421-5

© Лонсдейл К., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Кэрри Лонсдейл

Без лишних слов

© Самуйлов С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Лето '95

Трех своих детей Шарлотта и Дуайт Карсоны выгрузили у домика Уитменов на берегу озера примерно так же, как курьер выгружает доставленные посылки. Дуайт поздоровался за руку с Гарольдом Уитменом, а Шарлотта помогла их трехлетней дочери Лили, обхватившей розовыми губками большой палец, выбраться из креслица-бустера и благополучно транспортировала ее на посыпанную гравием подъездную дорожку. Потом она вытащила упирающегося шестилетнего Лукаса, оторвав его пальцы от дверной ручки и стараясь не слушать завывания и требования вернуть его домой. И только восьмилетняя Оливия покинула машину добровольно, поправив пластиковый ремешок шлепанцев и повесив на плечо защитного цвета рюкзака «ДженСпорт». Она также единственная из детей понимала, что лето у озера с едва знакомой семьей намного интереснее дневных смен в городском лагере и вечеров с родителями, которые, даже на неискушенный взгляд Оливии, не любили друг друга.

Хотя и она нервничала. Нервничала, потому что никогда еще не покидала дом на шесть недель. Лишь однажды Оливия провела без родителей четыре дня в доме их соседки, Нэнси Мерривезер, и случилось это сразу после рождения Лили.

Под ногами захрустел гравий. Отступив от машины, Оливия повернулась и посмотрела на двухэтажное здание с двускатной крышей и грубо обработанным деревянным сайдингом. Здание, которому предстояло на ближайшие полтора месяца стать ее домом. На фоне высоченных сосен оно выглядело крошечным, но Ронда Уитмен заверила Оливию, что наверху вполне достаточно места для нее и братика с сестричкой.

– Между нами, – заговорщически шепнула миссис Уитмен за ежегодным летним ланчем у родителей Оливии, где их обслуживали официанты в черных брюках и накрахмаленных белых рубашках, – там вполне могут поместиться десять детей. Будем плавать и играть. Тебя ждет лучшее лето, – добавила она, когда девочка выразила нежелание надолго оторваться от дома.

Оливия застенчиво улыбнулась и отпила пунша, попробовать который Шарлотта позволила, прежде чем отправить дочку в ее комнату до конца посиделок. Дуайт Карсон собирал деньги на кампанию по выборам в конгресс, и дети бы только крутились под ногами у важных особ, включая Уитменов. Оливия и хотела поверить миссис Уитмен, но каждое предыдущее лето пока что неизменно оказывалось унылым и скучным. Дуайт, похоже, всегда куда-то избирался. Дни проходили в обходах избирателей, распространении агитационных брошюр и посещении собраний, где собирали деньги на красно-бело-голубые таблички и флажки.

Посасывая большой палец, к Оливии прикинула Лили. Ладонка младшей сестренки протиснулась в руку старшей, и малышка прислонилась к Оливии, как пудель миссис Мерривезер, когда его чесывали в любимом месте за ухом.

Лили тоже нервничала. Как и Лукас. Он храбрился, но снова и снова раздувал щеки и шлепал губами. Оливия потянулась к его липкой от пота руке, и он, что удивительно, не воспротивился, не оттолкнул ее. По дороге от Сисайд-Коув, огороженного коттеджного поселка на побережье, чуть западнее Сан-Луис-Обиспо, где они жили, Лукас без конца жаловался. Он скучал по своему другу Таннеру.

– Перестань ныть. Найдешь новых друзей, – бросил Дуайт, прежде чем вернуться к разговору по новенькому телефону с клиентом – речь шла о каких-то встречах на следующей неделе. Оливия не знала, что делал отец, когда не участвовал в той или иной кампании, но однажды услышала, как Шарлотта объясняла соседу, что Дуайт консультирует управляющих виноделен. Такая работа показалась ей важной.

Дуайт поцеловал дочку в лоб.

– Буду скучать по тебе.

– Я по тебе тоже.

– Буду звонить каждый день.

Интересно, что она скажет ему завтра, подумала Оливия, и сдержанная улыбка скользнула по губам, словно выглянувший из-за тучки луч солнца. Они могли бы поговорить о ее новых эскизах. Она начала рисовать персонажей из «Короля Льва», и получалось, на ее взгляд, хорошо. Оливия увлеченно смотрела сериалы – «Клуб нянь» и «Школа в Ласковой долине». Или, может быть, ему захочется узнать, какую книжку она читает, потому что невозможно рисовать то, чем они целыми днями будут заниматься здесь, кроме как просто сидеть.

– Веди себя хорошо, Принцесса.

– Хорошо, папочка.

Он повернулся к Лукасу.

– Слушайся Уитменов. Делай, что скажут.

Лукас бросился к Дуайту.

– Не уезжай.

– Лето пролетит – глазом моргнуть не успеешь. Ты и не заметишь, что я уезжал. – Он обнял сына, потом отнял вцепившиеся в него руки.

Шмыгая носом, Лукас схватил за руку сестру. Она видела, что он не верит Дуайту. С той самой минуты, когда родители сказали, что отсылают их, Лукас не сомневался, что это навсегда.

Дуайт отвернулся.

– Папочка?

– Да, Принцесса.

– Разве ты не попрощаешься с Лили?

Лили еще теснее прижалась к сестре, словно пытаясь спрятаться за ней.

Дуайт почесал гладко выбритый подбородок и откашлялся. Взгляд его заметался между дочерьми. Шагнув к Лили, он потрепал малышку по голове, как делал – Оливия сама это делала – с собачонкой миссис Мерривезер.

– Пока, ребята. – Дуайт снова повернулся и шагнул к машине, в которой сидела Шарлотта. Откинув голову, Шарлотта рассмеялась над чем-то, что сказал мистер Уитмен. Они вместе работали в агентстве недвижимости, через которое Карсоны и познакомились с Уитменами. Мистер Уитмен тронул Шарлотту за руку и, наклонившись, шепнул что-то ей на ухо. Шарлотта улыбнулась, скользнула на водительское сиденье и помахала детям. Дуайт сел в машину и захлопнул дверцу. Шарлотта повернула ключ, камни и пыль полетели на оставшийся на дорожке багаж.

Оливия нахмурилась, уголки губ поползли вниз. Родители бросили их на дорожке. Служба доставки, по крайней мере, оставляла посылки у двери и звонила в звонок.

Лили снова захныкала. Решив, что сестренка огорчена из-за того, что папа не поцеловал ее в лоб, Оливия наклонилась и поцеловала малышку в лоб, как только что сделал с ней Дуайт.

– Он не нарочно так.

– Оливия?

Девочка обернулась, потянув младших по кругу, как машинки в парке развлечений.

Миссис Уитмен тепло улыбнулась, и Оливии стало чуточку легче.

– Проголодались, ребята? Я приготовила сэндвичи. А потом можно прокатиться по озеру на каноэ.

Все трое, как по команде, посмотрели на озеро. На берегу расположились разноцветные каяки и каноэ. Над водой висели качели из автомобильной шины. По озерной глади скользила гребная доска. Миссис Уитмен помахала рукой.

Ладошка Лукаса выскользнула из пальцев Оливии; привлеченный водой, он устремился к озеру.

– Подожди. После ланча, – сказала миссис Уитмен, и Лукас остановился, среагировав на предостерегающую нотку в ее голосе. Карсоны жили в доме с видом на океан. У них был причал с небольшой моторной лодкой и каяками, на которых Дуайт каждый уик-энд выходил в море. Оливия и Лукас научились плавать, едва выбравшись из пеленок. Лили уже знала основы плавания, достаточные для того, чтобы, упав в воду, удержаться на поверхности. Ни к каякам, ни к своей лодке Дуайт их не подпускал, считая детей слишком маленькими, а океан слишком бурным. Они могли выпасть.

Но это озеро выглядело спокойным и мерцало, как мозаичное стекло в окне церкви.

– Хотите поиграть в воде после ланча? – спросила миссис Уитмен.

Лукас кивнул. Лицо его уже светилось от волнения.

– Да, – согласилась Оливия. Даже Лили, замерев, уставилась на озеро, мутная вода которого мягко плескалась у берега. Между двумя деревьями покачивался гамак, и Оливия уже хотела рисовать, лежа в нем, и читать книжки.

– Вот и чудесно. – Миссис Уитмен улыбнулась еще шире. Она оглянулась через плечо. – Тео. Тай. Давайте, помогите.

Оливия взглянула на мальчишек Уитменов, наблюдавших за прибытием гостей с переднего крыльца. Оба были загорелые, в купальных трусах.

– Ну, мам, – жалобно протянул Тео, отворачивая лицо.

Миссис Уитмен закатила глаза.

– Терпеть не может, когда я называю его по имени, – с усмешкой объяснила она Оливии.

Оливия смущенно улыбнулась. Тео она знала по школе. На уроках миссис Фостер он сидел через два ряда от нее. Знала она и то, что ему не нравится собственное имя и что он требует ото всех называть его Блейзом. Но почему не нравится? И откуда взялась эта кличка?

Ей нравился Блейз. И он всегда хорошо относился к ней.

– Тай, возьми сумку Лили, – распорядился мистер Уитмен. Он уже взял дорожные сумки Оливии и Лукаса и отряхнул их от пыли. Высокий для своих пяти лет, Тайлер потащил по ступенькам сумку на колесиках с надписью «Мой Маленький Пони». Лукас последовал за ними, рассчитывая поскорее перекусить и переодеться для купания.

Миссис Уитмен протянула руку Лили.

– Любишь мороженое?

Лили вытащила изо рта палец.

– Мороженое люблю.

– Покажешь мне свой любимый вкус?

Лили кивнула и взяла миссис Уитмен за руку, оставив сестру наедине с Блейзом. Оливия вытерла влажную ладонь о голубые шорты.

– Привет, – сказал Блейз. Волосы у него были всклокочены, босые ноги грязные.

– Привет, – тихо ответила она, теребя нижний край рубашки.

Он потер затылок и ковырнул пальцем гравий дорожки.

– Мы с Таем устроили на чердаке форт. Хочешь посмотреть?

Оливия кивнула и прошла за ним в дом с потертым коричневым ковриком и панелями «под дерево», а потом поднялась по широкой лестнице на чердак.

То, что она увидела, можно было описать только одним словом – волшебство. На протянутых через комнату веревках висели разноцветные простыни, создававшие пять маленьких палаток. Каждая на одного человека.

Спальные мешки и подушки были разложены так, что голова каждой палатки смотрела в центр комнаты. Если бы Оливия посмотрела на палатки сверху, то увидела бы, что они образуют пятиконечную звезду. Вход в палатки мальчиков обрамлял полумесяц гирлянды из мигающих огоньков, а на палатках девочек сверкали звездочки. Кроме того, каждая была помечена карточкой с написанным от руки именем.

– Ты сам все сделал? – изумленная увиденным, спросила Оливия.

– Мне Тай помогал, – слегка покраснев, ответил Блейз.

Оливия осторожно дотронулась до карточки. Буквы имени Л-И-В-И были украшены причудливыми завитушками и обрамлены цветочками.

– Твою я сделал, а Тай – две другие, Лили и Лукаса.

Ее взгляд скользнул на карточку, приколотую к соседней палатке. Имя Блейза составляли большие печатные буквы, написание которых выдавало спешку и нетерпение. И никаких украшательств.

Оливия посмотрела на лежавшие посередине каждого мешка подушки. Ее была белая. На его красовалось изображение Марио Броса. Она прикусила губу, почувствовав, как дрогнуло что-то внутри. Как будто затрепетали крылышки взлетевшей стайки колибри. Оливия думала, что они разместятся втроем – она, Лукас и Лили. Но вот так, с этой палаточной звездой, получилось лучше. Она представила, как Блейз будет спать рядом – его голова возле ее головы, – и почему-то смутилась. Но уж лучше рядом с Блейзом, чем с Лукасом, который бы постоянно сопел во сне. Да еще дергал бы ее за волосы – просто так, чтобы позлить. А с Блейзом можно будет перешептываться о любимых фильмах и книгах и посмеиваться над учительницей, строившей чудные физиономии, когда писала на доске.

– Ребята, есть, – позвала снизу миссис Уитмен.

Оливия улыбнулась.

– Мне нравится, – призналась она, проводя пальцами по именной карточке. Миссис Уитмен права – лето будет самое лучшее.

Глава 2

Наше время

День 1-й

Блейз торопился. Поэтому и телефон забыл. Если бы не спешил, то и фотографию Оливия бы не обнаружила. А если бы не обнаружила фотографию, то не собирала бы его вещи, не выставляла коробки и не выбрасывала бы всякую мелочь на лужайку. Ту самую лужайку, которую только что закончил постригать ее садовник. Она даже спугнула беднягу, швырнув на траву охапку джинсов «Дизель», едва не ставших жертвой газонокосилки. Оливия бы только порадовалась, а Блейз не отделался так легко, как в прошлый раз.

Сэл быстренько погрузил газонокосилку в грузовичок и забрал грабли и компрессор. Натянуто улыбнувшись и несмело махнув рукой, он отъехал ровно в тот момент, когда Блейз подкатил на своем «харлее». И вот теперь ее почти уже бывший бойфренд стоит в ее спальне и имеет наглость защищаться, как будто в его телефоне нет никакой фотографии.

– Оно не мое. – Он поднимает руки, признавая свое полное поражение. Оливия не верит. Доказательство налицо, вот оно, на телефоне, который Блейз забыл утром.

Она не ловила его умышленно. Она уважает его приватность, потому что ждет того же и от него. Но у нее дедлайн, срок истекает, и следующая порция иллюстраций должна уйти к издателю до полуночи. Она взяла перерыв, первый за семь часов, потому что пропустила завтрак, а потом и ланч и, разумеется, проголодалась. Ей просто требовалось что-нибудь съесть. И вот когда она заправлялась на кухне слойками из цветной капусты, оставленный на полке телефон пискнул, приняв поступившее сообщение. Экран включился, и Оливия, взглянув на него, не сразу поверила своим глазам.

Она вытерла о джинсы испачканную обезвоженной капустной пылью ладонь и набрала шестизначный пароль. Цифры сами сохранились в памяти, потому что Блейз сто раз набирал пароль у нее на глазах и до сих пор отказывается переходить на биометрическую идентификацию. Надо же быть таким параноиком.

Впрочем, с его точки зрения, это осторожность.

Неважно.

Телефон включился, явив реакцию Мейси Браун на выставленное напоказ хозяйство Блейза: два жирных восклицательных знака в мультяшном облачке.

Фото прибора – вот что отправил Блейз своей бывшей подружке.

Очевидно, накануне вечером в баре, отдыхая со своим приятелем Шейном, Блейз потратил минут двадцать на секстинг с Мейси. Переписка напоминает дистанционную разборку двух сексуально озабоченных старшеклассников, и Оливия читает ее всю, одновременно расправляясь с крохотными слойками. Тексты коротких сообщений ни в малейшей степени не отражали интеллектуальный уровень зрелого тридцатипятилетнего мужчины, с которым она встречалась – *снова!* – едва ли не год.

Судя по всему, первый урок – когда она прогнала его в седьмом классе – впрок не пошел.

Оливия закипает и уже вот-вот взорвется.

– Перестань, Ливи. – Блейз поворачивается, подняв широкие мозолистые ладони. Руки у него красивы именно своей шершавостью и заскорузлостью. Руки талантливые, умелые. Ей будет недоставать их магии, застывшей в поделках, украшавших как его мастерскую, так и ее спальню.

Щеки румянятся от прилившего тепла, она хмурится и гонит предательские мысли.

Набравшись смелости, Блейз делает шаг в ее направлении. Вскидывает бровь. Смотрит на нее нежно.

– Ты же знаешь, малышка, это не мое.

– Откуда мне знать... – Она обрывает себя на полуслове, раздраженная собственной наивностью.

Его губы складываются в озорную улыбку.

– Господи, – с отвращением морщится Оливия. Он говорит, что она знает, намекая, что она видела, трогала... Нет, этих мыслей она себе не позволит.

Оливия наклоняется за кроссовками «Пума», последней его вещью, еще не выставленной на лужайку. Год назад, после того как его бригада закончила переделку в ее доме, она выделила ему ящик в комод, и с тех пор он занял половину шкафа. Официально он у нее не живет, хотя и проводит здесь едва ли не все время. У Блейза собственный дом за загородным клубом, среди виноделен, но она размякла и позволила ему проникнуть на ее территорию. И ведь всего лишь час назад ей нравилось, что он тут. Блейз готовит потрясный болоньезе. И может быть – только может быть, – свидания с Блейзом оживляли некоторые из чувств, что умерли в то последнее лето в доме у озера.

Оливия отводит назад руку, целится в него кроссовкой. Если он подберется ближе, то поцелует, отвлечет, и она глазом моргнуть не успеет, как окажется с ним в постели, потому что повернута на сексе. Ей недостает воли противостоять обаянию Блейза, потому и оказалась в его объятьях, уже дав себе зарок завязать с мужчинами, после того как последний – она жила тогда в Сан-Франциско – увел ее «мерседес». Большая ошибка.

Каждый раз, когда она открывала кому-то сердце, даже чуть-чуть, дело заканчивалось тем, что ее предавали. И вот опять она ведется на ту же уловку.

Блейз предостерегающе выставляет палец.

– Не надо. Не бросай, а то разобьешь что-нибудь.

Она бросает кроссовку. Он даже не пытается ни уклониться, ни схватить ее – цель так далека.

На глазах у них обоих кроссовка пролетает по дуге через комнату, как совершающая прыжок через речушку пума, и, ударившись о верх комода, разбивает флакон ее любимых «Джимми Чу».

– Нет! – Вот же досада. Ей так нравятся эти духи. К тому же они совсем не дешевые.

Блейз начинает собирать стеклянные осколки.

– Оставь, – хмурится Оливия, злясь уже не столько на него, сколько на себя. Надо же быть такой доверчивой. И подумать только, он обманывал ее не с кем-нибудь, а с Мейси Браун. Будь это не Мейси, Оливия не порвала бы с Блейзом. И не познакомилась бы с Итаном.

И Лили бы не убежала.

– Притормози, Лив. Охлынь. – Блейз поднимает руку. – Я только заберу кроссовку. – Он медленно наклоняется, не спуская глаз с Оливии, как будто она – дикий зверь, готовый к прыжку. Поднимает «Пуму», засовывает ее под мышку.

– Позволь объяснить, – не в первый уже раз просит Блейз и выпрямляется.

Она отступает к встроенному шкафу. Кроссовок должен быть где-то здесь. Сдвигает ногой собственную обувь, сметает с полки дизайнерские сумки, и они падают кучкой на пол. В ее поиске никакой логики, но сейчас она не в состоянии думать логически.

Оливия хочет, чтобы он убрался, но он не уберется, пока она не отыщет второй из пары его любимых кроссовок. Но «Пума» в руки не дается.

– Лив... Лив... Оливия...

– Я ищу. Черт. – Она сдвигает корзину с бельем и поворачивается. – Не могу найти...

Блейз поднимает второй кроссовок.

– Был под кроватью. Эй, малышка. – Он идет к ней через комнату. – Я...

– Я тебе не «малышка». – Она тычет в него пальцем. – Мейси Браун? Неужели? – Когда на экране его телефона выскочило имя Мейси, Оливия почувствовала себя так, словно кто-то схватил ее сзади на полном бегу. Из нее словно вышибло дух, а легкие наполнились десятилетиями боли и печали.

– Это не я. Это Шейн.

Он что, принимает ее за дурочку?

– Нет, нет. Между нами все кончено.

– Черт возьми, Лив. – Он недоуменно смотрит на нее.

Она выходит из комнаты, которая уже пахнет, как парфюмерная, в которой еще живут воспоминания о других отношениях, выдохшихся задолго до истечения срока годности. Духи «Джимми Чу» подарил Итан. Подарил в ее первый, после того, как они начали встречаться, день рождения. С тех пор она свыклась с этим ароматом и не могла забыть его так же, как не могла забыть их расставание.

Блейз идет за ней в переднюю, и она слышит его тяжелые, размеренные шаги.

– Вчера Шейн взял у меня телефон. Откуда мне было знать, что этот придурок засунет его себе в штаны?

Фу. Она морщится. Чего ей не надо, так это подробностей.

– Про Шейна там ничего нет. Ни в одном сообщении. Мейси думает, что это все пришло от тебя, и то, что на фото, – твое. Как я это понимаю, ты сам послал ей фото своего...

– Это. Не. Я. Шейн попросил телефон, чтобы позвонить. И отправил ей свой член.

– Если так, то ты должен был сказать Шейну, чтобы он все объяснил. – А ей самой не следовало обманывать себя и думать, соглашаясь встречаться с Блейзом, что все будет легко и просто. Тем более после их прошлой, давней истории. Как там говорят? Чтоб не обжечься, держись подальше от огня? У нее предостаточно причин, чтобы избегать таких вот запутанных ситуаций. Свяжешься – больно будет. Обожжешься.

– Я и не думал ни о чем таком, пока ты мне не позвонила.

– А почему Мейси вообще у тебя в контактах?

– Она там сто лет уже.

В передней ее взгляд цепляется за некий предмет. Оливия сворачивает в комнату, привлеченная игровой системой. Блейз не отстает.

– Сбросила свою инфу, когда мы отмечали десятилетие окончания, а я не удалил. Хотя и надо было. Извини.

Оливии там не было. Причину найти можно: работа, смена местожительства. Она находилась тогда в Сан-Франциско. Но, по правде говоря, не хотела наткнуться на Итана. Не хотела видеть их с Блейзом в одной комнате? Не хотела подносить зеркало к прошлым ошибкам? Если бы она не впустила в свою жизнь Итана, ее младшая сестра была бы жива.

Позднее она узнала, что он тоже не пришел на вечеринку.

– Полегче, Ливи, уймись. Это же сто лет назад было. Мы с тобой тогда еще даже не встречались.

– Оправдания, оправдания...

– Это ты оправдываешься, – возражает Блейз, и в его голосе звучат нотки горечи. – Тебе нужна причина, чтобы порвать со мной. Ты ищешь ее с того самого дня, как мы снова сошлись.

– А вот этого делать не следовало. – Но он только что закончил ремонт в ее доме, был внимателен к деталям, не допустил ни одной ошибки, так что она осталась довольна. Уже в последний вечер, зайдя в новенькую кухню, чтобы подписать наряд на выполнение работ, он смущенно пригласил ее пообедать.

Парень, отнюдь не страдающий застенчивостью, Блейз заметно нервничал, боясь получить отказ. Потом он улыбнулся, и Оливия увидела в нем того мальчишку, каким знала в те

давние летние месяцы. С ним она чувствовала себя в безопасности. Когда-то, давным-давно, они прекрасно ладили, так почему бы и не принять приглашение?

– Видишь? Вот в чем твоя проблема, – продолжает Блейз. – Ты предполагаешь в людях худшее. Ты никому не доверяешь, поэтому, что бы ни делала, к чему бы ни прикасалась, все заканчивается пшиком. – Он изображает соответствующую гримасу.

– Неправда, – сердится Ливия. Конечно, не все. Ее карьера иллюстратора в быстро пошедшей в гору высокотехнологичной компании сложилась вполне успешно. Благодаря этому предприятю она «вышла в отставку» в тридцать три года и переехала в Сан-Луис-Обиспо, в дом, который отец продал ей за один доллар как подарок по случаю окончания колледжа. Дуайт владел домом много лет и до совершеннолетия дочери сдавал его в аренду. Съёмщики неоднократно менялись, что не лучшим образом сказалось на самом строении. Но после перестройки и ремонта Ливия могла наконец реализовать проект своей мечты: писать и иллюстрировать свои собственные графические романы. У нее были все основания гордиться своими достижениями.

Отношения? Ее отношения никогда не заканчивались ничем хорошим, так не лучше ли прекратить их сейчас, пока они не стали еще хуже?

– Все ты, – тоном обвинителя говорит Блейз. – А как же я? Ты выкидываешь меня вон, ладно. Но, по крайней мере, выслушай.

– Слишком поздно.

– Перестань, Ливи. Всего лишь прошлым вечером ты умоляла меня...

– Замолчи! – Чего ей не надо, так вот этих напоминаний о том, как хорошо ей с ним. Тем более сейчас, когда она пытается, как он красноречиво выразился, выкинуть его вон. Ее шрамы лежат глубже дна этого озера, в котором они купались когда-то, лежали на спине, держась за руки и глядя в небо. Оливия вырывает шнур его «Макинтоша» из своего приемника.

– Нет! Нет, нет, нет. – Блейз роняет кроссовки и отталкивает ее. – Не трогай. – Он осторожно снимает проигрыватель с полки, берет в руки и поворачивается к ней. – Возьми это. – Он указывает подбородком на стоящий на полу ящик из-под молока с его пластинками.

Оливия поднимает пластинки и идет за ним к передней двери. Ее взгляд соскальзывает с его спины чуть ниже. Да, задница симпатичная. Вот чего ей точно будет не доставать, так это возможности полюбоваться и этой задницей, и им самим. Плохо, что она не может доверять ему. Или, если уж на то пошло, кому-либо вообще. Она просто устала от предательств. Как будто на лбу у нее неоновая надпись ПОИМЕЙ МЕНЯ, и с этой надписью она идет по жизни. Вернуться в норму после разрыва дело нелегкое. Каждый раз как будто теряешь частичку себя. Когда они разошлись в прошлый раз, в школе, она еще долго не могла прийти в себя. Нет, не совсем так. В себя она не могла прийти – да в общем-то так и не оправилась полностью, – с тех пор как их летние каникулы у Уитменов испортил Лукас.

– Не выбрасывай мою коллекцию, – бросает через плечо Блейз.

– Не выброшу. – Не такая уж она стерва.

– Привет, Блейз.

– А, Эмбер, привет. – Он проходит мимо лучшей подруги Оливии. Эмбер устроилась на ступеньках веранды с бутылкой пино-нуара.

– Спасибо, что пришла, – говорит ей Оливия.

– Да, думаю, это было неизбежно. Как всегда.

Смущенная осознанием своей очередной неудачи на этом поле, Оливия опускает голову. Эмбер ухмыляется.

– Для истории – я надеялась на вас, ребята. Но раз уж дошло до этого, жалеть не стану.

Для Эмбер такого рода сцена не первая. Именно ей Оливия позвонила после того, как сцепилась с Блейзом. Тот случай закончился для нее разбитой губой, и потом она уже никогда

не изгоняла бойфренда, не обеспечив присутствие на месте подруги. Когда-нибудь она все же перестанет приглашать мужчин в свой дом.

Блейз бережно ставит проигрыватель на дорожку, Оливия делает то же самое с ящиком, но с меньшей деликатностью.

– Осторожнее, – сердито ворчит он и, достав телефон, направляется к Эмбер. – Ты спала с Шейном. Скажи Лив, что здесь не я. – Он увеличивает фотографию на своем айфоне «11 Про Макс».

– Господи. Убери эту гадость. – Эмбер накрывает глаза ладонью.

– Да имел я тебя...

– Нет уж, спасибо. С меня и Майка достаточно. – Эмбер допивает вино с таким видом, будто смывает им оставшийся во рту привкус фото.

Блейз засовывает телефон в карман и поворачивается к Оливии.

– Так чем мне убедить тебя, что между мной и Мейси ничего не было?

Оливия отводит взгляд. У нее уже нет сил проходить с ним одно и то же.

– Ну ладно, пусть так. – Блейз переминается с ноги на ногу, скребя подошвами бетон.

– Пусть так, – повторяет за ним Оливия, стараясь не обращать внимания на шевельнувшегося где-то в животе червячка сожаления. Она обманулась, убедив себя в том, что они смогут сохранить легкие, ни к чему не обязывающие, приятные для обеих сторон отношения.

Ей будет недоставать его, как недостает семьи, потому что одно время он и был семьей. Она прикусывает нижнюю губу, чтобы не извиниться, не признать, что, может быть, делает ошибку.

Эмбер вскидывает бровь.

– Ты точно хочешь, чтобы он ушел?

– Да, а что?

Оливия пожимает плечами.

– Просто так. Решила удостовериться, пока еще не поздно переиграть. – Ты на чьей стороне?

– Он мне даже нравится, хотя и с пучком на макушке. И твой «мерседес» он не угонял.

– Блейз бы ничего такого не сделал. Если не принимать в расчет сегодняшний прокол, он слишком милый.

– Тогда зачем здесь я? И почему ты с ним завязываешь?

Оливия дергает бровью.

– Серьезно? – спрашивает она, думая в этот самый момент о том, что Блейз прав на все сто процентов. Она искала повод, чтобы расстаться с ним, и Мейси любезно предоставила ей этот повод в форме...

Стоп, хватит.

Так или иначе картина достойна тысячи слов.

Блейз перекидывает ногу через седло мотоцикла, и боль сожаления режет грудь, но не настолько сильно, чтобы окликнуть его и вернуть или признать свою ошибку.

– Забыл свои вещички, – кричит Эмбер.

– Да. Я там все сложил. – Блейз застегивает ремешок шлема. – Вернусь попозже на пикапе. Вы их не трогайте. – Он опускает визор, газует, спугивая стайку черных дроздов, рассевшихся на высоченной сосне по ту сторону улицы, и, показав Оливии средний палец, срысывается с места.

Она шумно выдыхает. Уехал. Свободна.

Оливия убирает со лба длинные, цвета корицы локоны, откидывает их назад и поворачивается к подруге. Взгляды встречаются. Эмбер поднимает брови.

– Что? – сердито рявкает Оливия.

Эмбер поправляет растрепавшийся «хвост» и подливает в бокал вина.

– Ты думаешь, он говорил правду? – задумчиво произносит Оливия.

Ее давняя, с первого курса колледжа, подруга отпивает вина.

– Что я думаю, то неважно.

Оливия садится рядом с ней на ступеньку.

– Он говорил правду.

– Ага.

Оливия вытягивает ногу, достает из переднего кармана узких джинсов одну-единственную сигарету «Мальборо» и зажигалку. И то и другое приготовлено заранее. Она знала, что захочет закурить после его отъезда. Дрянной этой привычкой Оливия обзавелась в Сан-Франциско, где работала по семьдесят и больше часов в неделю. Иногда сигарета помогала снять напряжение там, где с этим не справлялись ни секс, ни спортзал. А тут еще и ее давний кошмар вернулся. Хорошо, что сон у нее не в числе приоритетов.

Оливия щелкает зажигалкой, затягивается и, почувствовав нерешительность Эмбер, выпускает в ее сторону длинную струйку дыма.

– Выкладывай.

Эмбер вздыхает.

– Знаешь, Шейн такой идиот... – Ее глаза вдруг оживают. – Посмотри-ка вон на ту машину.

Оливия поворачивает голову. Прямо за лужайкой подкатывает к бордюру и останавливается едва ли не впритык с красной «теслой» Эмбер новенький, сияющий лаком двухдверный «линкольн континенталь». Сидящая за рулем пожилая женщина подается вперед через приборную панель, и ее кресло скользит едва ли не к самому рулю.

– Вау, – восхищенно комментирует Эмбер. – Новехонькая. '77 или '78?

– Что-то вроде этого, – рассеянно кивает Оливия, стараясь рассмотреть пассажиров голубого старичка. На переднем сиденье – парнишка лет четырнадцати. Возможно, внук женщины за рулем. Оба, ничуть не смущаясь, разглядывают Эмбер и Оливию через открытое окно.

– У вас тут дворовая распродажа? – спрашивает женщина.

Эмбер отрывисто смеется.

– Забирайте все. Оно ваше, – негромко, чтобы слышала только подруга, бормочет она.

Оливия чувствует, как вдруг ни с того ни с сего начинает колотиться сердце. В мальчишке есть что-то знакомое. Она толкает Эмбер в бедро – води себя прилично – и качает головой.

– Нет, извините. Просто прибираюсь дома.

Женщина кивает и говорит что-то парнишке. Тот выбирается из машины, вешает на плечо рюкзак и закрывает дверцу. Женщина за рулем машет, сдает назад и отворачивает от бордюра.

– Куда это она? – с беспокойством спрашивает Оливия.

«Линкольн» неторопливо доползает до конца улицы и сворачивает за угол.

– Она что, оставила ребенка?

– Может, соседский, – пожимает плечами Эмбер.

Может быть, но не похоже. Никогда раньше Оливия его поблизости не видела.

Парнишка поворачивается, засовывает пальцы под лямки рюкзака и смотрит на сидящих на ступеньках женщин. Подбородок у него дрожит, и коленки, как нетрудно догадаться, тоже.

Оливия судорожно вздыхает. Это не сосед. Каштановые волосы под бейсболкой, миндалевидный разрез глаз, с крутым спуском нос, чуточку нерешительный наклон головы – все указывает на одно. Мальчишка – вылитая Лили, ее младшая сестренка. Сестренка, которую Оливия не видела четырнадцать лет.

– Джош.

Глава 3

Оливия была на четвертом курсе Академии художественного университета в Сан-Франциско, когда отец нанес ей неожиданный визит. Дуайт пригласил ее на ланч в «Хог Айленд Ойстер» и за тарелкой клэм-чаудера сообщил, что Лили беременна.

Ливию новость шокировала. Сестре едва исполнилось шестнадцать. Она спросила насчет отца ребенка. Неужели у Лили появился бойфренд? С кем она встречается? Сама Оливия ничего не знала, и мать ни о чем таком не упоминала. Сестра занималась плаванием. Устанавливала рекорды штата. Тренировки, плотный график, постоянные разъезды – времени на свидания просто не оставалось.

Но кто знает, не было ли у Лили парня, о котором она никому не рассказывала? Сестры не были близки, по крайней мере не так близки, как в детстве. Так случилось, что с тех пор Лили постепенно отдрейфовала к Лукасу, и между Оливией и младшими пролегла полоса отчуждения. Взгляд ушел в сторону.

Дуайт положил руку на руку дочери, и морщинистая кожа вокруг его глаз как будто смягчилась.

– Что?

В груди что-то шевельнулось.

– Итан.

– Не понимаю.

Дуайт сжал ее руку.

– Твой Итан. Он – отец.

– Нет, – прошептала Оливия, чувствуя растекающееся по груди и шее тепло – так проявлялась у нее реакция отрицания. – Нет. – Она откинулась на спинку стула, отстраняясь от сказанного отцом. В желудке, отзываясь тошнотой, колыхнулся клэм-чаудер. – Как же такое возможно? – Вопрос не требовал ответа – она прекрасно знала, как такое возможно.

Этот семестр Итан пропускал – взял академический, чтобы ухаживать за матерью, выздоравливавшей после автомобильной аварии, и вернулся домой в Сисайд-Коув, всего в трех кварталах от Лили.

– Она его соблазнила? – Сестра, должно быть, мстила ей за отказ взять с собой и перевести в городскую среднюю школу. Дуайт пожал плечами, и горло сдавил горький комок отвращения. – Он ею воспользовался?

– Не знаю. Она хочет оставить ребенка.

Невидящими глазами Оливия уставилась за спину отцу.

– И ты ей это позволишь?

Она попыталась представить растущий живот Лили и, зная, что в нем ребенок Итана, не смогла это сделать.

Дуайт покачал головой.

– Я уже сказал, что ей необходимо сделать аборт. Не могу позволить себе растить еще одного ребенка. Вы, ребята, почти довели меня до банкротства.

В семье все знали, что Лили – нежеланный ребенок, и единственная причина появления на свет младшей сестренки Оливии состояла в том, что ее мать не верила в аборт.

– А что мама?

– Ну, ты же знаешь свою мать. Она до сих пор не может забыть, что бросила колледж, чтобы поддержать меня. Мама не хочет, чтобы Лили испортила свое будущее. Пытается убедить Лили отдать ребенка в приемную семью.

– А Итан? Чего хочет он? – Ее отношения рушились, и она уже хотела подвести под ними черту. Предательство Итана подорвало само основание, и она видела один выход – убраться подальше и побыстрее, пока не обрушилась крыша. Оправиться от такого удара нелегко.

– Тебе самой придется у него спросить.

Оливия рассеянно кивнула. Что она скажет? Что может сказать? Дело сделано. Между ними все кончено. Слезы, которые она сдерживала изо всех сил, подступили к глазам.

– Отвези меня, пожалуйста, домой.

Дуайт отвез ее домой, обнял на прощание и пообещал позвонить. Оставшись одна, Оливия открыла телефон и набрала номер Итана.

– Как ты мог? Тем более с Лили!

– Ты о чем?

– Лили беременна. – Слезы, крупные, как дождевые капли, потекли по щекам. Отчаяние закружило ее, словно налетевший ураган. На этом Итан ее и взял. Тогда, давно, лишившись летних каникул у озера и Блейза, когда ей казалось, что все потеряно, она обнаружила, что может быть счастлива с Итаном. Какая невероятная глупость. Теперь, после того, что сделала Лили, она никогда и никому уже не откроется.

– И ты подумала, что я... спал с твоей сестрой? – возмущенно спросил Итан.

– Не подумала, а знаю. Мне отец только что сказал.

– И ты поверила.

– Хочешь сказать, что это неправда? – Солгать ей отец не мог. Оливия даже возможности такой не допускала, потому что была папиной любимицей. А вот любил ли ее Итан?

На линии повисло долгое молчание.

– Итан, – всхлипнула она. – Скажи, что это неправда.

– Зачем? Ты же все равно поверишь ему, а не мне.

– Ты спал с ней?

– Нет.

– Лжец! – выпалила она, не думая.

– Видишь, что я имею в виду?

– Ненавижу! – крикнула она в трубку. Слишком многие из тех, кого она любили, предали ее. Сначала Лукас, потом Блейз, теперь Итан. Надо было понимать, что рано или поздно он разобьет ей сердце. Но Лили?

Вот чего она никак не ожидала.

– Оливия... – обреченно вздохнул Итан.

– Не звони больше. Не хочу говорить с тобой. Видеть больше не хочу. Прощай, Итан.

Теперь, вспоминая тот разговор по прошествии лет, она понимала, что поспешила со звонком, что нужно было подождать и успокоиться после того, как уехал отец. Также нужно было подождать и со звонком Лили. Но палец сам пробежал по кнопкам. Ответила Шарлотта.

– Мама, – слезливым голосом произнесла она.

– Оливия, дорогая, отец уже рассказал?

– Да.

– Мне очень жаль. Представляю, какой это ужасный удар для тебя. Нам всем трудно. Нам нужно решить, что делать, прежде чем об этом станет известно. Твой отец просто разбит.

– Где она?

– Лили? Отдыхает.

– Я хочу поговорить с ней. – С каким удовольствием она схватила бы сестру за плечи и трясла, пока у нее шея не хрустнет. О чем думала Лили? Если злилась на Оливию, могла бы отомстить иначе. Распылить краску в спальне. Порвать коллекцию журналов, как она уже сделала однажды.

– Я скажу, что ты звонила, когда она проснется. Будь с ней помягче. Она только что узнала, что мы не позволим ей оставить ребенка. – Конечно, законным путем Шарлотта и Дуайт не могли принудить дочь отказаться от ребенка. Но если она хотела получить финансовую и эмоциональную поддержку, то никакого выбора у нее не было.

Окончив разговор, Оливия стала ждать. Но Лили так и не перезвонила. Даже сообщения не прислала. В конце концов из дома все же позвонили. Но это была Шарлотта. Лили сбежала.

Шарлотта и Дуайт только что вернулись из полицейского участка, где подали заявление на розыск. В участок доставили Итана, но он представления не имел о случившемся. Члены команды пловцов расклеивали листовки. Начались широкомасштабные поиски.

Грустить, печалиться, беспокоиться, переживать – Оливия ждала этой реакции. Ее шестнадцатилетняя беременная сестра пропала... она где-то одна. Но ни жалости, ни тревоги за Лили, ни сочувствия она так и не ощутила. Слезы пролились, и Оливия застегнула сердце на все пуговицы.

Менее чем через год пришло первое ежегодное письмо от Лили. Вместе с открыткой там лежала фотография: Джош, закутанный в одеяльце младенец с заплаканным личиком и опухшими веками.

– Кто такой Джош? – спрашивает Эмбер, и ее голос прорывается к Оливии сквозь туман шока.

– Сын Лили.

Эмбер смотрит на нее с отвалившейся от изумления челюстью.

– Твоей сестры Лили?

Оливия кивает.

– Да ну. – Не сводя глаз с застывшего на дорожке паренька, Эмбер тихонько свистит.

Оливия тушит окурки на бетонной ступеньке и поднимается. Эмбер отставляет бокал и тоже встает.

– Как тебя зовут? – Надо убедиться, что она не ошибается, что парнишка и впрямь ее племянник.

Сердце стучит все быстрее. Племянник. Надо же. Ей и в голову не приходило, что она когда-нибудь встретится с сыном Итана и Лили.

– Как тебя зовут? – повторяет она, не дождавшись ответа. – Кто ты?

Через пару секунд его губы размыкаются.

– Джош.

Оливия торопливо переводит дух, чувствуя, как дрожит все внутри. Не надо было тушить сигарету. Но какого черта делает здесь сын Лили? Где она? Оливия смотрит туда, где исчез за поворотом «линкольн», ждет, что вот сейчас там, словно мираж в пустыне, появится сестра.

– Иди сюда, Джош. – Он не двигается с места. Она машет рукой, подзывая подойти. – Все в порядке, иди сюда.

Он идет, едва волоча ноги, словно решая для себя, нужно ли ему это. Переводит взгляд с нее на Эмбер и обратно. Пальцы сжимают лямки рюкзака. Один нерешительный шаг. Потом другой. Он останавливается в нескольких футах от них.

Теперь, когда он близко, Оливия жадно всматривается в его черты в тающем вечернем свете. Карие глаза наблюдают за ней внимательно, с недоверием. Переносица усыпана пылью веснушек, как было и у Лили в его возрасте. В юности Оливия прятала свои под слоем праймера. Она терпеть не могла веснушки. Но на Джоше они смотрятся мило. И вообще, он симпатичный мальчик. Напоминает Лукаса.

Господи. *Лукас.*

Что будет, когда брат услышит о племяннике.

Когда Лили убежала, Оливия долго пыталась выведать у него детали случившегося. Он так и не сказал. Не пожелал. Отказался. Наотрез. С тех пор речь о Лили в их разговорах не

заходила. Стоило Оливии упомянуть сестру в разговоре – такое случалось нечасто, – как Лукас тут же умолкал. Уходил в себя или отшивал ее, не отвечал на сообщения, сбрасывал звонки. Ничего необычного в этом не было. В шестнадцать лет он попал в исправительное заведение для несовершеннолетних, где провел шесть месяцев, после чего полагаться на него уже не приходилось.

Джош поправляет лямки, открывает и закрывает рот, хмурится и сопит. Под козырьком бейсболки волнение прочерчивает узкие морщинки. Он смотрит на Эмбер.

– Что? – слегка растерянно спрашивает она, наблюдая за подергивающимся, словно от страха, лицом. Ему что-то не нравится. Он снова тычет себе в грудь пальцем.

– Джош. – Наставляет палец на Эмбер.

– О... – Она улыбается. – Я – Эмбер.

Он указывает на Оливию.

– Я – Оливия. Сестра твоей мамы. Твоя... тетя. – Слово дается с трудом. Она впервые называет себя так.

Напряжение уходит мгновенно. Джош быстро-быстро моргает, и Оливии кажется, что он вот-вот расплчется. Кто бы там ни были его родители, ей хочется обнять его и сказать, что с ней он в безопасности.

Эмбер протягивает руку.

– А я – лучшая подруга твоей тети. Рада познакомиться, Джош.

Он не отвечает на предложенный жест, только смотрит на повисшую в воздухе руку. Тревога сжимает грудь – почему он здесь один?

– Где твоя мама?

– Я... – Он запинается.

– Кто та женщина, которая привезла тебя сюда? – Оливия снова смотрит в конец улицы. Ну почему та дамочка уехала, ничего не сказав, не объяснив, где Лили и как долго останется здесь Джош.

Он пожимает плечами.

– Ты не знаешь, где она?

Он протягивает руку с выставленным вверх пальцем. Значит ли это то, что она думает? Что он добрался сюда на попутках? Если так, то понятно, почему дама уехала без объяснений.

Но знает ли Лили? Что, если Джош сбежал из дома? Удрал от матери точно так же, как Лили удрала от своей?

Парнишка мнетя, осматривает двор и останавливает взгляд на передней двери.

– Почему ты приехал сюда? – И именно к ней. Надо же. А ведь они даже не знакомы.

Он опускает голову.

– Хочешь что-то сказать? – спрашивает Оливия. Надолго ли он задержится здесь? Куда отправится потом? Что ей с ним делать? И почему, черт возьми, он не разговаривает? Она щелкает пальцами у него под носом.

– Джош, где твоя мама?

– Ушла.

Ушла? Что значит «ушла»?

– Она тебя оставила? Или... Умерла?

Он бледнеет, и Оливии приходится напрячься, чтобы не поддаться злости. Как она смела? Как смела умереть, не попросив прощения? Нет, не может быть. Лили не умерла. Оливия отказывается в это верить.

– Боже, успокойся, – шепчет Эмбер. – Полегче.

– Извини. – Она приглаживает ладонью волосы. Чешет макушку. Переводит дух. Ждет. Нет, она не хотела его напугать. То, как поступили с ней Лили и Итан, непростительно, но Джош ни в чем не виноват, и ей не следует срывать на нем злость. Надо попытаться еще раз.

– Мама оставила тебя?

– Не... знаю... – Он жует нижнюю губу, взгляд бесцельно бежит по двору.

Эмбер тянет ее за руку.

– Ты его пугаешь.

Джош бросает взгляд через плечо на дорогу, и до Оливии наконец доходит, о чем предупреждает Эмбер.

– Эй, все в порядке. Все нормально. Давай-ка пройдем в дом, а? Побудешь здесь, пока мама не заберет. – Она бросает на Эмбер растерянный взгляд, как бы говоря: а что еще мне с ним делать?

И подруга спешит на помощь.

– Проголодался, а, Джош?

Он смотрит на нее с интересом.

– Хочешь что-нибудь съесть? – поясняет Эмбер.

– Да. – Он переводит взгляд с одной из них на другую и жестом показывает, как ест гамбургер.

– Парень хочет бургер.

Оливия постукивает себя по бедру. Ей хочется покурить. И поесть бы надо. Спешила, подгоняла работу к сроку, и вот теперь холодильник практически пуст.

– Извини, Джош. – Ей неприятно его расстраивать. – Но у меня нет...

– Есть, – с широкой улыбкой перебивает ее Эмбер. – У тети Оливии есть гамбургеры.

– Неужели?

– Позвони в «ДорДэш». У мальчика позади долгий день. Ведь так?

Джош хмурится, склонив набок голову, потом кивает.

Эмбер толкает подругу в бок.

– Дай парню то, что он хочет, и ему сразу полегчает.

– Ну ладно. Тебе повезло сегодня.

Вот уж да, так повезло, что больше некуда. Чудо это иль удача, но тринадцатилетний племянник нашел ее.

Глава 4

Оливия приглашает Джоша и Эмбер в дом. Ее племянник входит в гостиную, сдвинув набок бейсболку и почесывая голову. Взгляд прыгает с пола на потолок, пробегает по стенам, замирая на мгновение на отдельных деталях.

Комната – полная катастрофа. Избавляясь от вещей Блейза, Оливия прошлась по гостиной ураганом. Половина коллекции дисков рассыпалась по полу, когда она выбирала и складывала в коробку фильмы Блейза. На полу же валяются и декоративные диванные подушечки; она сама сбросила их, чтобы освободить диван от скопившихся там мелочей вроде потерявшего напарника носка, забившейся в угол рубашки и использованного презерватива, который они по причине усталости так и не донесли до ванной. В ней снова вскипает злость. Сказал же, что уберет.

Джош идет через комнату к встроенному книжному шкафу, поправляет на ходу бейсболку. Волосы на затылке светло-каштановые, на несколько тонов светлее, чем у нее самой, но свои она подкрашивает. На нем расстегнутое худеющего густого красно-коричневого цвета с подтянутыми выше локтя рукавами. На футболке под ним какой-то рисунок, но разобрать, что именно там изображено, Оливия не может. Мешают руки. Джо вцепился в лямки рюкзака, как пассажир самолета в подлокотники кресла. Черные джинсы-скинни обтрепаны, как теперь модно, на коленях. Что-нибудь в этом стиле носил бы, наверно, Блейз. На ногах новые черные кроссовки.

Это хорошо. Значит, Лили все же заботится о бедняге. Если только Джош их не украл. А может, сама Лили и украла. Забеременела она в шестнадцать. В колледж, скорее всего, не ходила. Может быть, и среднюю школу окончить не успела? Нехорошо так думать о сестре, упрекает внутренний голос, и звучит он слишком громко, чтобы не обращать на него внимание. Может быть, Лили не в состоянии даже купить ему одежду. Может быть, она едва сводит концы с концами. Может быть, поэтому Джош и уехал?

А если она никогда ни в чем не нуждалась и получала помощь? Итан внял просьбе Оливии и никогда больше ей не звонил. Возможно, все это время он поддерживал Лили и помогал ей.

Кстати, где сейчас Итан? По последней информации, он живет в Лос-Анджелесе, но больше времени проводит за границей как трэвел-журналист. Возможно, Лили сейчас с ним? Что, если Джош бежит от Итана?

Оливия наблюдает за Джошем, и беспокойство растет. Он слоняется по ее гостиной так, словно не может стоять на месте. Она совсем его не знает, и уже начинает жалеть, что не побежала за сестрой, когда та пропала, что не попыталась даже найти способ ответить на ее ежегодные открытки.

И вот результат: она понятия не имеет о том, как живет Лили.

Интерес Джоша привлекает опрокинувшаяся стопка книг. Наклонившись, он поднимает альбом, посвященный пляжам Калифорнии. Джош прижимает книгу к себе, как одеяло. Странно. Альбом определенно не та вещица, которая может увлечь подростка.

– Не собираешься позвонить Лили? – спрашивает Эмбер. В руках у нее пустой бокал и наполовину пустая бутылка вина.

– У меня нет ее номера. – Впервые за все то время, что прошло после побега сестры, Оливия говорит об этом с сожалением.

Связаться с Лили невозможно.

– А Лукас? Твои родители?

– Думаю, у них тоже нет. Мы никогда о ней не говорим, и им известно о ней не больше, чем мне.

– Сан-Диего? – Эмбер касается лба и взглядом указывает на бейсболку с надписью «Пад-рес».

– Может быть. – На открытках, что каждый год посылала Лили, никогда не было обратного адреса. Почтовые штемпели менялись постоянно, прочерчивая маршрут вдоль Западного побережья.

– Обратишься в полицию?

– Зачем? – хмурится Оливия.

– А если Лили пропала?

Может быть, поэтому Джош и появился. Ему нужна помощь.

Оливия задумчиво пожевала нижнюю губу. Что-то здесь не так; первые намеки на это расплзались, как капли дождя, сливались в пятно, и с этим нужно что-то делать. Эмбер права: приезд Джоша – не светский визит.

– Пожалуй, я так и сделаю. – Но прежде она хочет дать Лили шанс. Может быть, сестра уже в пути. А Джоша нужно покормить. Поест, успокоится и уже не будет напоминать взбалмошного, испуганного котенка, готового вот-вот спрятаться под диван.

Оливия открывает приложение «ДорДэш».

– У тебя есть пищевая аллергия?

Он внимательно наблюдает за ней, потом качает головой.

– С чем ты хочешь бургер? С сыром? С жареным луком? С майонезом?

– Да.

– Да, то есть со всем этим?

Он кивает.

– Грибы? Пикули? Томаты?

Он снова кивает.

– Улитки?

Никакой реакции. Потом он строит гримасу.

– Понятно. Никаких улиток. – Она невольно улыбается и замечает, как дрожит уголок его рта.

Понимает ли он, о чем она спрашивает, или просто соглашается, не думая, со всем? Оливия хмурится. Он понимает ее, но его самого понять трудно. С речью у парня явные проблемы. Речевое расстройство? Он таким родился?

Эмбер указывает на меню на экране.

– Возьми чипсы, вот эти, закрученные. Дети любят чипсы.

Оливия добавляет к заказу чипсы.

– Ты сама что-нибудь хочешь?

Эмбер качает головой.

– У меня встреча с Майком в больничном кафетерии.

– Как романтично. – Бойфренд Эмбер, Майкл Дрейк, работает хирургом в отделении неотложной помощи. – Во сколько он освобождается?

– Поздно. Но я потом домой. У меня там уже, наверно, тонна имейлов и клиентский заказ.

Эмбер еще на первом году поняла, что с искусством ей не по пути и перевелась в Сан-Франциско изучать бухгалтерское дело.

– Проводишь?

– Конечно. Джош? – Он оборачивается, все так же прижимая к себе книгу. Она хочет сказать, что он может оставить ее себе, что никто эту книгу у него не отнимет, что здесь ему ничто не угрожает. Слава богу, та женщина привезла его сюда, а не похитила. А если бы она была торговкой живым товаром? Джош мог бы пропасть, и Лили никогда бы его не нашла. Оливия не хотела признаваться в этом даже себе, но после исчезновения сестры она ощутила

пустоту внутри. Но ее боль потери не шла бы ни в какое сравнение с той болью, которую испытала бы Лили, потеряв сына.

Сама Оливия такого опыта не имела, но подруги с детьми говорили, что нет ничего страшнее материнской боли, когда ребенок болеет или, не приведи Господь, умирает.

– Устраивайся. – Она показывает на диван. – Чувствуй себя как дома. Ванная, если понадобится, вторая дверь слева по коридору. Я скоро вернусь.

Диван его не привлекает – Джош направляется напрямиком на кухню.

Оливия смотрит на подругу. Эмбер усмехается.

– Я же тебе говорила, что парень голоден.

– Похоже, что да. – Она забирает у подруги бутылку и бокал, отставляет в сторону и выходит вслед за ней из дома. – Ты действительно сошлась с Шейном?

Они уже стоят у машины Эмбер, к счастью, не пострадавшей от недавнего наезда «линкольна». Тем не менее Эмбер внимательно осматривает задний бампер.

– Тебе на крыльцо высадили племянника, которого ты видишь впервые в жизни, но ты спрашиваешь про Шейна? – Эмбер проводит по бамперу рукой.

– Не совсем так. Но то, что ты спишь с Шейном, понять легче, чем присутствие этого мальчишки у меня на кухне.

Эмбер открывает дверцу.

– Будь с ним помягче. Похоже, у него сегодня не самый лучший день. И не только у него.

Оливия оглядывается на дом, в котором теперь ее племянник. Племянник. Ему, наверно, тоже все кажется странным. Она оглядывает лужайку. Интересно, когда же вернется Блейз. Уж лучше бы поскорее. Не хотелось бы, чтобы кто-то украл его проигрыватель «Макинтош» и коллекцию пластинок. С другой стороны, он помог бы решить, что делать с Джошем. И тут Оливия вспоминает, почему она так резко на все реагирует.

Он не нужен ей. Ей вообще никто больше не нужен.

– Кстати, то была всего одна ночь. Задолго до Майка. – Эмбер забирается в машину и, заметив невольную усмешку на губах Оливии, корчит гримасу.

– Не могу поверить, что ты связалась с Шейном.

– А я не могу поверить, что он проболтался Блейзу.

– Зато я могу. Блейз – идиот.

– Согласна. И слишком часто бросает свой телефон где попало. Из дома без него выйти не может, но оставляет, например, в туалете. Ну и все такое.

– Что за придурок.

Эмбер поворачивает ключ.

– Шейн и раньше брал у меня телефон.

– И посылал с него сообщения Мейси?

– Нет, но пользовался так, будто это его телефон.

Чувство вины обрушивается на ее совесть, словно туча саранчи. Блейз говорил правду, а она не стала слушать его оправдания, потому что тогда пришлось бы признать, что у него есть чувства. Он крепко на нее запал. Она почувствовала это прошлой ночью, когда они лежали в постели, оба потные, облитые лунным светом.

Он провел вечер с Шейном и приехал пьяный. Его руки блуждали по ее телу, отыскивая самые чудесные местечки, и он шептал обещания, от которых ее пальцы сжимались в кулаки, а взгляд снова и снова устремлялся к двери, как будто она искала выход. Блейз хотел переехать насовсем, хотел не просто нескольких встреч в неделю, не просто ночевки. Он спрашивал, хочет ли она детей. Они могли бы взять собаку.

Она едва не бросилась к двери. Но это же Блейз. Забавный, игривый, знающий, как ее рассмешить. В его крови гулял алкоголь. Алкоголь развязал ему язык, вскружил голову.

Она закрыла глаза и усилием воли заставила себя расслабиться. Утром Блейз и не вспомнит, что говорил.

А потом на фото, присланное с телефона Блейза, отозвалась Мейси, и давние боль и обида затопили ее, как вода, хлынувшая через обрушившуюся плотину. Она повела себя бездумно, иррационально, особенно после всего, чем он поделился с ней ночью. Ей нужно было убедить себя, что он снова ее предаст. Не потому ли и нес всю эту чушь, что чувствовал свою вину?

Оливия захлопывает дверцу и ждет, пока Эмбер опустит стекло.

– Поболтаем завтра?

Подруга улыбается.

– Конечно. Хочу подробностей об обоих твоих парнях. О том, что сейчас на кухне, и о том, который вернется за своим скарбом. Всего хорошего. – Она уезжает, оставляя после себя эхо заливистого смеха.

Оливия смотрит на дом. Окна гостиной и столовой полыхают на темном заднике вечера. Какой странный, сюрреалистичный день. В ее доме сын Лили и Итана.

И что ей с ним делать? Может быть, свалить Джоша на Лукаса? Он ведь был ближе к Лили, и, возможно, у Джоша больше общего с дядей, чем с ней.

Писк телефона оповещает о входящем сообщении. Оливия бросает взгляд на экран. Заказ принят и уже в пути.

Она возвращается в дом. Джош сидит за кухонным столом, чистит апельсин. Кожура лежит перед ним аккуратной кучкой. Он разламывает апельсин и показывает Оливии.

– Персик.

Оливия удивленно смотрит на него. Джош выжидающе смотрит на нее. Она осторожно откашливается. Он что, шутит с ней так?

– Э... Знаешь, вообще-то это апельсин, ведь так?

Он опускает голову. Смотрит на апельсин чуть ли не с отвращением. Ноздри дрожат, и этим он напоминает Лукаса, когда тот злился. Потом вдруг швыряет слайс в раковину. Следом туда же летит и все остальное.

– Эй, да что с тобой? Вполне хороший фрукт. – Оливия достает из раковины апельсин и кладет на столешницу.

Джош вскакивает, оттолкнув стул, ножки которого жалобно царапают пол. *Новый* деревянный пол. Черт возьми, этому полу и года нет. Она отставляет стул и проводит ладонью по половицам, проверяет, не осталось ли царапин. Джош подбирает кожуру и кружит по комнате, как будто ищет что-то. Смотрит вопросительно на Оливию.

– Ключи?

– Ключи? – Она растерянно хмурится. Трет лоб. Что-то не так, и где-то в животе затягивается узелок беспокойства. – Я не понимаю, что ты имеешь в виду. И не могу дать тебе мои ключи, чтобы ты их выбросил.

Теперь уже хмурится Джош.

– Выбросил, – медленно повторяет он.

– Да, выбросил, – говорит она, склонив голову набок. – Ты ищешь мусорную корзину? – Она показывает на кожуру. – Мусор?

– Мусор. Да.

– Мы убираем очистки вот сюда. Ведро здесь. – Оливия показывает ящик под раковиной и замечает гримасу на лице племянника. – Вот, здесь. – Она откидывает крышку, под которой ютится компостное ведро. Джош бросает туда кожуру от апельсина, отворачивается и вытирает лицо рукавом рубашки.

Оливия облегченно вздыхает – ей все же удалось расшифровать, что он хотел сказать, – но тут их взгляды встречаются, и она замечает странный блеск в его глазах. Опять что-то не так?

– Стоп. Что случилось?

– Ударился... – Он отворачивается, трет ладонью повлажневшие глаза.

– Ну-ну. Все хорошо. Чем ты ударился? – Она не расслышала, что он сказал.

Джош дотрагивается до головы.

Оливия делает шаг назад. Что он имеет в виду?

– Ты ударился головой? Когда?

– Раньше... тогда.

– До того, как приехал сюда?

Он кивает.

– Да. Тогда... давно...

Давно? Как давно? Непонятно.

– Хочешь сказать, что когда-то, давно, ты ударился головой?

Он снова кивает.

– Ладно. Уф... – Оливия прислоняется к столу. – Ты поэтому перепутал апельсин с персиком?

– Да. Путаю слова. Трудно... искать... брать... *черт*. – Оливия вздрагивает, словно в комнате взорвалась небольшая бомбочка. Джош сжимает губы и с силой выдыхает через нос. – Нашел, – наконец говорит он и расслабляется.

Она пытается собрать произнесенное в некое целое.

– Тебе трудно находить правильные слова, так? – Он кивает и опускает голову, уткнувшись подбородком в грудь, а ей хочется закричать на ту, которой здесь нет. Как же она могла упустить сына?

Бедняга. Самое простое действие, говорение, для него разбитая, с рытвинами и ухабами, дорога. Неудивительно, что мальчишка как будто хочет спрятаться в себе самом.

Что же такое могло с ним случиться? В чем причина такого состояния? Надо бы разобраться. Можно позвонить Майку...

– Тебе нужен доктор?

Джош смотрит на нее большими глазами и трясет головой.

– Хорошо. Если понадобится – скажешь. О'кей?

Он пожимает плечами и снова опускает голову.

– Давай-ка садись. – Ей жаль его. Она подставляет стул к столу, похлопывает по спинке. Пусть успокоится. Да и ей не мешает взять себя в руки. Джош садится. Оливия отступает в сторонку и замечает, что у нее дрожат руки. К такому она не готова совершенно. Дети – это что-то чужое, незнакомое. Как пришельцы. Она никогда с ними не взаимодействовала, никогда не разговаривала один на один. А тут еще паренек, который едва способен связать два слова.

Чтобы унять дрожь, она берет оставшийся после Эмбер пустой бокал, выливает остатки вина, ополаскивает и вдруг вспоминает кое-что, отчего ей становится не по себе. Джош сказал, что Лили ушла.

Губка выскальзывает из пальцев и падает в раковину. Как бы она ни относилась к сестре эти годы, что бы о ней ни думала, но смерти ей никогда не желала и всегда считала само собой разумеющимся, что однажды, когда-нибудь, они еще встретятся, и она скажет сестре, как сильно та обидела ее.

Но если Джош путает слова, то там, на лужайке, он мог сказать именно то, что первым пришло тогда ей в голову. Лили умерла.

Сможет ли она смириться со смертью сестры? И что ей делать с сыном Лили?

Оливия подбирает губку и отжимает воду. Если с Лили что-то случилось, то нужно будет отыскать Итана. Смотреть на его сына, разговаривать с ним – это одно, но растить его – совсем другое. И это другое намного труднее.

В дверь звонят, и Оливия вздрагивает. Джош напрягается и смотрит на дверь, как изготовившийся к прыжку кот.

– Наш обед, – говорит она, вытирая руки и мысленно усаживая заколотившееся вдруг сердце. Джон настороженно смотрит на нее, потом снова на дверь, наклоняется и хватается за ручку.

– Еда. Бургеры. – Следуя примеру Эмбер, Оливия выбирает слова попроще, сопровождая их понятными жестами.

Лицо его разглаживается, он снова опускается на стул.

– Я сейчас.

Забрав еду, Оливия делит между ними двумя бургеры и жареную картошку. Не считая довольного ворчания Джоша, едят молча. Он жадно расправляется с чизбургером, она возится с чипсами. Неужели он не ел ничего весь сегодняшний день?

Телефон снова попискивает, сообщая, что оплата прошла, а у нее возникает идея.

– Ты звонил своей маме? Сказал ей, что ты здесь?

Он качает головой.

– А телефон у тебя есть?

Он сует в рот картошку и снова качает головой.

Вот же незадача.

– Послушай. Воспользуйся моим. – Оливия кладет на стол телефон и подталкивает в направлении Джоша. – Позвони ей. Она, должно быть, беспокоится.

Лили убежала, потому что хотела сохранить и оставить ребенка. Следовательно, либо Джош сбежал сам, по собственному желанию, либо с ней случилось что-то, из-за чего им пришлось расстаться. В противном случае Лили вряд ли выпустила бы сына из поля зрения, учитывая его состояние.

Джош смотрит на телефон.

– Ну же, давай, – подбадривает его Оливия и постукивает пальцем по экрану.

Он хмурится.

– Ты знаешь ее номер? Номер телефона, ты его знаешь? – Она говорит медленно, с расстановкой, но он лишь хмурится еще сильнее.

– Да.

– Отлично! Звони ей. – Она подталкивает телефон еще ближе.

Джош больше интересуется чизбургером, и звонить он определенно не спешит. Ладно. Можно применить другую тактику.

Оливия берет телефон.

– Скажи мне ее номер. Я позвоню сама.

Он смотрит на нее без всякого выражения, и она снова прибегает к языку жестов, показывая, как набирает номер и разговаривает. Закончив демонстрационный показ, Оливия выжидающе смотрит на племянника.

– Какой... номер... у твоей... мамы?

Джош откладывает бургер и загибает пальцы. Губы его шевелятся. Оливия наблюдает. Странно, что у него проблемы не только со словами, но и с цифрами.

– Пять... девять... – Он останавливается. Опускает руки. Смотрит на бургер.

– И?... – торопит Оливия.

Джош отворачивается. Лицо напряженное, но подбородок предательски дрожит.

– Ты забыл ее номер? – спрашивает она мягко, чтобы не напугать его еще сильнее.

Он смотрит в пол, а она легонько постукивает краем телефона по подбородку. Возможно, Джош и впрямь забыл номер, но тот факт, что он пытался назвать его, говорит о том, что Лили не умерла.

Иначе зачем бы стараться?

На душе становится легче.

– Где она?

Он пожимает плечами.

– Можешь сказать, почему ты здесь? Как нашел меня? Кто та женщина, которая привезла тебя сюда?

После каждого вопроса Джош только сильнее сжимает губы, так что они все бледнее и бледнее.

Терпение иссякает, а вот раздражение только растет. Как она поможет ему, если он даже не пытается помочь?

– Джош...

– Нет.

– Послушай...

– Нет! – Он затыкает пальцами уши и крепко закрывает глаза. – Нет, нет, нет...

– Ладно, ладно. Больше никаких вопросов. – Сердце колотится уже у самого горла, тревога нарастает и вместе с ней страх. Неужели с Лили случилось что-то ужасное?

Оливия откидывается на спинку кресла, бросает взгляд на часы микроволновки. Уже поздно. Джош устал, и ей нужно поработать. Если все пойдет как надо, утром здесь будет Лили. Или же Джош сам успокоится и объяснит, что же все-таки произошло. В противном случае придется вызывать полицию или звонить Лукасу. Должен же кто-то знать, что происходит.

Джош опускает руки и открывает глаза.

– Спасибо... тебе.

Оливия вздыхает, уже чувствуя себя виноватой. Как-то так выходит, что она постоянно его огорчает. Она откладывает в сторону телефон и отправляет в рот остатки остывшей картошки.

– Пожалуйста.

Губа у него дрожит, словно он пытается улыбнуться, и Оливия снова видит в нем Лукаса. Интересно, каким был Джош до того, как с ним что-то случилось? Таким, как Лукас? Непослушным, шутником и непоседой, которого нельзя было не любить? Жаль, что она не познакомилась с Джошем раньше.

Глава 5

Лето '97

Оливия поднялась рано, между деревьями виднелось серое рассветное небо. Щебетали птички, порхая с ветки на ветку. На металлическом причале поблескивала тонкая пленка росы, воздух дышал свежестью и влагой. Защищаясь от прохлады, она надела толстовку. Вот поднимется над озером солнце, согреет землю, и она снимет свитшот и повесит на перила – до самого вечера, когда упадет температура и на потемневшем небе выступят звезды. От восхода до заката ей достаточно обычно одного купальника.

Но не сегодня.

Тот день был первым полным днем их третьих шестинедельных летних каникул в доме Уитменов. Утром мистер Уитмен намеревался взять их в тренировочный поход – на случай, если она, Блейз, Лукас и Тайлер захотят прогуляться в ближайшем лесу без него или миссис Уитмен.

Усевшись в гамак и свесив ноги, Оливия положила на колени блокнот и, чтобы не терять время, пока мальчики завтракают, начала рисовать Лили, добавив к образу сестры плащ с капюшоном и металлические браслеты. Ее Лили могла летать и была сильнее, чем все они, вместе взятые. Она сражается со злом, и, когда в гневе, от ее боевых воплей разлетаются вдребезги окна.

Оливия тихонько хихикнула. Чтобы разбить стекло, никакие супервопли Лили не нужны. Вечером, узнав, что ее не берут в поход, она разразилась такими криками, которые еще и утром звенели в голове. Оливии пришлось засунуть в уши мизинцы, так что барабанные перепонки болели до сих пор. Она носила сестренку на руках, поглаживая ее по спине и стараясь успокоить, а та выла ей прямо в ухо. Потом на помощь пришла миссис Уитмен, попытавшаяся убедить Лили, что в ожидании возвращения Оливии и мальчиков они и сами скучать не будут.

Постукивая по земле подошвами новеньких туристских ботинок, Оливия покачивалась взад-вперед. Ботинки ей и Лукасу Дуайт купил после того, как кеды выдержали только три летние недели.

Задняя дверь открылась, и на крыльцо, с набитым под завязку рюкзаком, вышел мистер Уитмен. За ним, словно уставшие, всю ночь несшие службу солдаты, плелись Блейз, Лукас и Тайлер – в старых, ношенных футболках, полученных от мистера Уитмена, который хотел побережь рубашки, поскольку имел на них свои планы. Лукас не потрудился даже пригладить свои торчащие во все стороны вихры. Когда в спину ему подул ветер, на затылке обнажилась полоска бледной кожи.

– Готова? – спросил мистер Уитмен, проходя мимо по пути к берегу.

– Готова! – Она отложила блокнот и карандаш и начала подниматься. Подбежавший Блейз навалился на гамак, отбросил назад, а потом обхватил ее за талию и помешал встать.

– Такая рань, – жалобно заныл он. – Скажи ему, что мы хотим пойти завтра. Тебя он послушает.

– Вот уж нет. – Оливия тоже не выспалась. Они допоздна играли в карты, усевшись в центре палаточной звезды. Но сейчас ее ждало приключение, отказаться от которого она не могла и не хотела. Ради этого приключения Оливия уже прочитала справочник по выживанию.

– Какая ты зануда. – Блейз сжал ее крепче, удерживая в гамаке, из которого она пыталась выбраться. Запах пасты «Аквафреш» щекотал ноздри. Ей нравился этот запах, и после возвращения домой тем последним летом она попросила мать купить ей такую же пасту как напоминание о Блейзе и счастливых временах на озере.

Оливия хитро улыбнулась.

– Что? – спросил, прищурившись, Блейз. Зная ее, он уже догадывался, что она что-то придумала. Вместо ответа она вонзила пальцы ему в ребра. Он зафыркал, завертелся, сжался и замахал руками, отбиваясь от нее. – Перестань! Хватит!

Оливия рассмеялась и скатилась с гамака. Солнце уже выглядывало из-за деревьев, и она чувствовала его тепло. Стащив толстовку, Оливия бросила ее в лицо Блейзу и разгладила рубашку, которую выделил ей мистер Уитмен.

– Сюда, малышня! – крикнул он, останавливаясь у края воды.

Блейз с мучительным стоном отпустил гамак, и четверка окружила его отца, как стайка птенцов, ожидающая кормежки. Оливии нравилось, как родители Блейза и Тайлера обращаются с сыновьями, – совсем не так, как в их семье, где Дуайту и Шарлотте вечно не хватало времени на детей. Правда, для нее отец делал исключения: позволял приходить в его кабинет, сидеть за его рабочим столом и даже выполнять домашнее задание, пока он расхаживал по комнате и разговаривал по телефону.

– Сегодня для вас только два правила, – начал мистер Уитмен, показывая два пальца. – Слушать и исполнять приказы. Что-то узнаем, повеселимся и вернемся к ланчу.

– Да. – Лукас сжал пальцы в кулак. – Голубой каяк мой.

– Ты вчера его забирал, – заныл Тайлер.

– Потому что я старше, а ты всего лишь ребенок. – Лукас ударил его в плечо.

– А вот и нет. – Тайлер нанес ответный удар. Он был на год младше Блейза, но в росте ему не уступал.

Мистер Уитмен повернулся к Лукасу и, чтобы привлечь внимание, натянул бейсболку ему на глаза.

– Эй! – Лукас поправил козырек.

– Слушайте. Я оставил где-то здесь пять пустых бутылок из-под воды. – Их надо найти. А ну-ка!

Кто скорее! Все четверо бросились врассыпную. Первую пластиковую бутылку нашел Блейз. Вторую обнаружила в кустах Оливия. Наконец все снова собрались на берегу.

– Карманные ножи не забыли? – Ножи мистер Уитмен раздал накануне за ужином, сопроводив раздачу четкой и ясной инструкцией. Оливия достала свой из кармана шортов. Остальные тоже предъявили свои. – Хорошо. Сейчас порежем бутылки и сделаем чашки. Сначала посмотрите, как это делаю я. – Он отметил пальцем место на бутылке и срезал основание на высоте примерно в треть бутылки. – Видите? А теперь попробуйте сами.

Тайлеру потребовалась помощь. Лукас замешкался, и линия среза получилась у него немного неровная. Оливия и Блейз закончили одновременно и показали мистеру Уитмену результаты своего труда.

– И что мы с ними будем делать? – спросила Оливия.

– Кто знает, что такое компас?

Оливия вскинула руку.

– Прибор, который используют для навигации и определения направления. – Определение попало ей в справочнике.

– А какие есть направления?

– Север, юг, запад, восток. – Блейз зевнул. Оливия ткнула его в живот, и он охнул, но тут же схватил ее за палец и потянул его к своему носу.

– Фу. – Она вырвала руку, и Блейз рассмеялся.

– Ребята, сюда! – крикнул мистер Уитмен. – Внимание. Смотрите. – Наполнив пластиковую чашку озерной водой, он бросил в нее лавровый лист, который достал из кармана. – Теперь ваша очередь.

Четверка набрала воды в свои стаканчики, после чего каждый получил лист.

– А теперь самое забавное. – Мистер Уитмен раздал четыре швейные иголки. – Потрите оба кончика иголки о рубашку ровно сто раз.

– Что? – Лукас растерянно посмотрел на свою иголку.

– Сто раз. Буду считать вслух.

Обменявшись недоуменными взглядами, они приступили к делу.

– А теперь положите иголку на среднюю жилку листка. – Мистер Уитмен показал, как это сделать, и, выдержав паузу, спросил: – Что заметили?

– Мой лист держится на плаву, – сказал Тайлер.

– Они все держатся на плаву, придуток. – Блейз фыркнул и закатил глаза.

– Правильно. Что еще?

Оливия на секунду задумалась, потом заглянула в чашки остальных. Все листья указывали в одном и том же направлении. Она вспомнила, что прочитала в справочнике и ахнула. Они намагнитили иголки.

– Они указывают на север.

– Точно. – Мистер Уитмен показал Оливии большой палец, и она просияла.

– Ловко. – Блейз толкнул ее в бок.

Оливия улыбнулась и, опустив голову, посмотрела на лист в своей пластиковой чашке. Лист напоминал каноэ, и она представила, как они с Блейзом плывут через озеро...

– Если этот кончик – север, а вот этот – юг, то в каком направлении надо идти домой?

– Надо идти на запад, – первым ответил Лукас.

– Близко. Блейз?

– На юго-запад.

– Правильно. Запомните это, ребята. Если вы отправились в поход и заблудились, сделайте компас, идите в направлении на юго-запад, и вы попадете домой или, по крайней мере, окажетесь поблизости от него. Сохраните стакан, иголку и лист, а воду вылейте. Идем.

Лукас ударил по стакану Тайлера, стакан вылетел у него из руки, а вода выплеснулась в лицо.

– Лукас! – завопил Тайлер и наклонился к земле. – Ну вот, теперь я не могу найти иголку.

– Не хнычь. Возьми мою. Мне она не нужна.

Тайлер взял иголку и лист и положил их в карман.

– Знаешь, Лукас, иголка еще понадобится тебе сегодня, – предупредила брата Оливия.

– А вот и нет, – фыркнул он и прислонился к ее плечу. – Я просто пойду за тобой следом.

– Нет, братец, сегодня ты сам по себе. – Оливия оттолкнула его. Теперь, прочитав справочник по выживанию, ей не терпелось приступить к делу.

Следуя за мистером Уитменом, они прошли мимо дома, с веранды которого им махали миссис Уитмен и Лили. Маршрут начался с узкой, заросшей травой тропинки. Через каждые несколько сотен футов, объяснил мистер Уитмен, нужно класть на тропинку несколько камней, которые помогут потом найти дорогу домой.

Сложив свою кучку, Оливия поспешила за мистером Уитменом. Оглянувшись через некоторое время, она увидела, как Лукас, вооружившись палкой, разбрасывает оставленный ориентир.

– Прекрати, тупица. – Блейз вырвал у Лукаса палку и погрозил кулаком. Лукас уклонился и побежал вперед, за Тайлером и мистером Уитменом. Блейз отбросил палку в кусты. – Я знаю этот лес как свои пять пальцев. Давай вернемся к озеру и прокатимся на каноэ, а они пусть поблуждают.

Оливия покачала головой.

– Твой отец наложит запрет на неделю. – Именно такой карой пригрозил мистер Уитмен, объявляя об экспедиции и объясняя, как будут наказаны нарушители. Сидеть на веранде и смотреть, как остальные играют у озера, она не хотела. Блейз воспринимал отцовские иници-

ативы с неохотой, но Оливии, хотя она и не распространялась об этом, такие приключения нравились. Ее родители никогда не тратили на своих детей столько времени, и предприятия, предлагавшиеся мистером Уитменом, отнюдь не казались ей скучными.

Оливия побежала вперед, и Блейз с неохотой потянулся за ней.

Минут через двадцать они вышли к поляне, рядом с которой протекал ручей. Мистер Уитмен разделил на всех походный паек и показал, как профильтровать речную воду, чтобы ее можно было пить. Каждый отрезал ножом клочок футболки и опустил один край в чашку с речной водой, поставив ее предварительно на камень или другое возвышение, а другой край в пустую чашку.

– Подождите час и вы получите чашку чистой, пригодной для питья воды.

– Не получится. – Лукас недоверчиво покачал головой.

– А вот и получится, – усмехнулся мистер Уитмен и расстегнул рюкзак. – Кто хочет научиться разводить костер?

Все четверо единодушно подняли руки.

Весь следующий час мистер Уитмен учил их, как пережить ночь в лесу. Кое-что Оливия уже знала, прочитав справочник по выживанию, но некоторые моменты поняла не до конца. Грязная вода очистилась – к немалому изумлению Лукаса, и они вскипятили ее на костре, который развели из сухих прутьев и коробки из-под яиц.

Пришло время возвращаться, и мистер Уитмен объявил, что каждый пойдет в одиночку, что они должны соблюдать дистанцию между собой не менее ста ярдов и не помогать друг другу.

– А если кто-то заблудится? – поинтересовался Лукас.

– Воспользуйтесь компасом.

– Бьюсь об заклад, ты уже жалеешь, что отдал Таю иголку, – усмехнулся Блейз.

– Заткнись. – Лукас сложил руки на груди и хмуро уставился в землю.

– Справишься, – подбодрила брата Оливия.

Он посмотрел на нее недоверчиво.

– Оливия, ты первая. – Мистер Уитмен указал на тропинку. – Ждем две минуты, потом ты, Блейз.

Ей стало немножко не по себе. Со всех сторон поляну окружали высоченные деревья. И вот в этом лесу она будет одна.

– Увидимся у озера. – Блейз хлопнул ее по спине. Да, она справится. Сможет. Оливия наполнила водой пластиковый стакан и быстрым шагом углубилась в чащу. Путь назад казался длиннее, но мистер Уитмен оставил горку камешков на каждой развилке, так что трудностей не возникало, пока она не добралась до того места, где камешки разбросал Лукас. Пришлось воспользоваться компасом. Уже намагнитив стрелку, Оливия услышала, как кто-то продирается через кусты у нее за спиной. Оглянувшись, она увидела Блейза.

– Да ты едва ползешь, Карсон, – крикнул он, сложив ладони рупором.

– Ты все равно меня не догонишь. Правила запрещают.

– Какие еще правила? – Блейз прибавил шагу и перешел на бег. – И отец ничего не узнает, если только ты ему не скажешь.

Ну уж нет! Что бы там ни говорили правила, но она не могла допустить, чтобы он ее обогнал. Оливия сорвалась с места. Гонка началась. Минут через десять они вырвались из леса, оба потные и разгоряченные. Оливия оглядела себя – кроссовки в грязи, на руках пыль и следы от укусов moskitov, но она победила, а потому не удержалась и ткнула Блейза в бок.

Блейз шлепнул ее по руке и заключил в объятия.

– Ты молодчина, Лив.

Из леса с восторженным воплем выкатился Тайлер. Еще через несколько минут появился и мистер Уитмен. Обведя взглядом неполную команду, он повернулся к лесу.

– Где Лукас?

Оливия и Блейз переглянулись и пожали плечами.

– Мы его не видели.

Прошло еще минут пять, и мистер Уитмен забеспокоился всерьез. Прежде всего он снял и положил на землю рюкзак, а потом зашел в дом – посмотреть, не вернулся ли Лукас так, что его никто не заметил. Оливия грызла ноготь и не спускала глаз с тропинки.

– Может, подвернул лодыжку, – предположил Блейз.

Она покачала головой.

– Твой отец его бы увидел.

Мистер Уитмен вышел из дома.

– Пройдем ему навстречу, – сказал он Блейзу. – Оливия и Тай, ждите здесь на случай, если он вернется. Ронда! – Его жена вышла с Лили на веранду. – Дай нам час. Уйти далеко Лукас не мог. Но если он не появится в ближайшие тридцать минут, звони шерифу.

– Хорошо.

– Ливи, где наш братик? – спросила Лили.

– Играет в прятки, – ответила Оливия, решив не беспокоить сестру, которая вполне могла снова раскапризничаться. Возиться с ней у Оливии не было ни малейшего желания – хватит и того, что она уже тревожилась из-за Лукаса. Где он? Куда подевался?

Мистер Уитмен и Блейз исчезли в лесу. Прошло двадцать минут. Потом еще двадцать. Грызая ногти, Оливия расхаживала по дорожке. На веранде хныкала Лили.

За пять минут до истечения определенного мистером Уитменом срока Оливия услышала усталые шаги по гравии. Кто-то толкнул ее в плечо. Она обернулась.

– Лукас!

– Где все? – спросил он, словно ничего особенного не случилось.

Оливия обняла брата.

– Где ты был?

– Прятался в каноэ. Хотел напугать вас, но так и не дождался.

– Идиот! – Она оттолкнула его. – Тебя повсюду ищут. Мы думали, что ты заблудился. Миссис Уитмен уже собралась звонить шерифу.

– Но почему? Я же был здесь все это время.

– Ох, слава Богу. – Торопливо спустившаяся миссис Уитмен обняла Лукаса. – Мы так волновались.

Лукас скорчил гримасу, но и покраснел, поняв, что задуманная им шутка не удалась.

Мистер Уитмен и Блейз вернулись часом позже, оба в состоянии, близком к панике. Когда выяснилось, что все в порядке, и Лукас объяснил, что идти назад знакомым маршрутом было скучно, и он выбрал другой, вдвое сократив дистанцию и придя первым, а потом прятался в каноэ, мистер Уитмен плеснул себе на палец виски и вынес Лукасу наказание: двадцать четыре часа без игр. На следующее утро он взял Лукаса с собой и заставил пройти от поляны до дома правильным маршрутом с обязательной отметкой всех маркеров.

До самого конца тех летних каникул никаких фокусов Лукас больше не выкидывал, хотя руки у него так и чесались. Но как только в глазах появлялся тот знакомый лукавый блеск, Оливия охлаждала порыв брата сердитым предупредительным взглядом. Не хватало только, чтобы он по глупости испортил им летнее приключение. Если Уитмены не смогут доверять им в отношении поведения, сказала Шарлотта, то приглашения на следующий год уже не будет. Оливия же без этих каникул уже не могла. Только там она получала настоящее удовольствие. Только там ощущала себя частью чего-то. Настоящей семьи.

Глава 6

Оливия стягивает простыни, пахнувшие Блейзом и ее собственной неосторожностью; воспоминания о летних каникулах такие же привязчивые, как и его запах. Вспомнив о Лукасе, она так энергично вытряхивает подушку из наволочки, что едва не сбрасывает на пол прикроватную лампу. На брата никогда нельзя было положиться. В глубине души Оливия знает, что не может рассчитывать на него, но надеется, что, когда позвонит, он придет и поможет с Джошем. Как-никак он ведь сын Лили. Должно же это как-то его мотивировать.

Из ванной доносится шум воды. Оливия смотрит на дверь, прислушивается к незнакомым звукам. Джош готовится ко сну. Он первый после ремонта, кто воспользуется гостевой комнатой. Племянник напоминает ей потерявшегося щенка – большеногий, лопоухий, в мешковатых трениках. Штаны она нашла в сушилке, когда заметила, что ему не во что переодеться. Парнишка собирался спать в джинсах.

Если планировал побег, мог бы, наверно, подготовиться тщательнее, ведь так? Даже телефона нет. Лили могла бы и позаботиться. Или у нее с этим строго? Может, она ему и не давала? Или Джош потерял телефон, как потерял и свою мать?

Сестру необходимо найти. Или – тут у нее начинают дрожать руки – выяснить, что с ней случилось.

Глядя на пустую кровать, она и сама чувствует себя неприкаянной, как будто чего-то или кого-то не хватает. И непонятно, откуда берет начало это чувство: то ли причина в отсутствии Блейза, то ли в тревоге за Лили, само местопребывание которой остается загадкой.

По пути в прачечную Оливия останавливается перед гостевой комнатой. Дверь приоткрыта, лампа на прикроватной тумбочке включена и источает мягкий свет. Джош принял душ, переоделся в ее старую футболку с изображением «Найн Инч Нейлз» и серые треники Блейза и теперь листает тот самый альбом, который привлек его внимание сразу же, как только он переступил порог. Листая книгу, Джош лишь скользит глазами по строчкам и фотографиям. Ищет ли он что-то? Может ли читать? Писать? Нелепые вопросы, если учесть, что они относятся к тринадцатилетнему пареньку, но если у него трудности с числами и словами, то этим его проблемы определенно не исчерпываются.

Оливия отступает от двери, чтобы не ворваться в комнату и не забросать племянника вопросами. Она уже расстроила его один раз и, откровенно говоря, опасается, как бы у него не поехала крыша.

Загрузив белье в стиральную машину, Оливия возвращается в кабинет, где над рабочим столом красуются огромные принты трех супергероев – Руби, Тициан и Далия, – облаченных в красные с серебром супергеройские костюмы. Две сестры и брат, и каждый наделен огромной силой. Эти трое близки, как когда-то были близки она, Лили и Лукас. И они защищают друг друга, как никогда не защищали друг друга трое детей Карсонов.

А должны бы были.

Мысль эта отозвалась грустью. Вместо того чтобы включить компьютер и подобрать цифровые рамки, она идет к шкафчику за чертежным столом, где хранятся наброски, и достает из нижнего ящика изрядно потертую коробку из-под обуви «Джуси кутюр». В коробке письма от Лили, все двенадцать. Они приходили в каждом сентябре, без обратного адреса, с почтовыми штампами различных городов нескольких западных штатов. Либо Лили часто переезжает, либо кто-то отправляет письма по ее поручению. Так или иначе она не хочет, чтобы ее нашли.

Но сама Лили всегда находила Оливию. Узнала каким-то образом, что сестра владеет теперь первым домом их родителей. Письма всегда приходят туда, а нынешний съемщик любезно переправляет их Оливии в Сан-Франциско.

В этом году письмо не пришло. Зато появился Джош. Есть ли между двумя этими событиями – отсутствием письма и внезапным прибытием племянника – какая-то связь? Что, если Лили пропала? Если да, то это объясняет, почему не пришло письмо.

Письмо с фотографией должно было прибыть две недели назад, около дня рождения Джоша и начала учебного года. Сначала Оливия подумала, что письмо опаздывает. Или, может быть, сестра опомнилась наконец и перестала тыкать ее лицом в свою с Итаном жизнь. Каждый год Лили всплывала из глубин памяти неким эхом прошлой жизни и вдруг – *бум!* Кроме последней фотографии Джоша, Лили присылала что-то вроде подробного отчета о своем сыне. Маленьким Джош любил строить крепости и разыгрывать фантастические приключения, что отчасти напоминало их собственные приключения у Уитменов. Потом, когда он стал подростком, интересы Джоша вышли за пределы дома. Большую часть свободного времени он проводил на катке в городском парке. Оливия носила обиду на Лили целых четырнадцать лет. Она злилась на родителей и Лукаса, потому что никто не говорил о тех пятнах, что замарали репутацию отца и, по словам Дуайта, лишили его каких-либо шансов на политическую карьеру. Но она навсегда запомнила ту маленькую девочку, которая держала ее за руку, думая, что мама бросает их в то первое лето у озера.

И вот письма.

Они – постоянное напоминание о том, что ее отношения с сестрой не дали трещину. Никаких отношений просто нет.

Они – ежегодное напоминание о том, что Оливия сама отрезает себя ото всех.

Как и должно мазохистке, она вытаскивает письмо из середины стопки, и на пол падает фотография Джоша. Оливия наклоняется, вытягивает пальцы и поднимает снимок. Джош – третьеклассник. Прелестный ребенок. Тогда, впервые увидев это фото, она подумала, что племянник, когда вырастет, станет копией Итана.

Надо было тогда же взять телефон и позвонить Лили. Глядя на принты трех могучих супергероев, Оливия жалеет, что отношения между сестрами не сложились так, как могли бы. Но после того как каникулы у Уитменов закончились, Лили переменилась, и общаться с ней становилось труднее и труднее.

Оливия предпочла Блейза Итану, а Лили, поскольку сестра редко бывала рядом, потянулась к Лукасу. Но Лили обладала даром не только расстраивать планы Оливии, но и портить ее вещи. Один такой случай, с выходным платьем, Оливия не забыла до сих пор и частенько возвращалась к нему, пытаясь понять, чем же так насолила сестре, что та так небрежно обошлась с платьем не только дорогим, но и важным для Оливии в тот последний школьный год.

Она и сейчас могла представить то светло-голубое платье, надеть которое ей так и не довелось, во всех деталях, как и появление Джоша этим вечером. Расшитый цветами вырез корсажа и длинная, до пола, юбка-трапеция. Оно сияло и переливалось, и когда Оливия увидела его в онлайн-бутике, Шарлотта повезла дочь в эксклюзивный свадебный магазин на Стейт-стрит в Санта-Барбаре.

Несколько месяцев платье висело в шкафу, подшитое, выглаженное и готовое к большому вечеру. Пойти она планировала с Итаном, но в душе надеялась, что Блейз, который придет с Мейси, увидит и поймет, что потерял. Но за три дня до праздника Оливия, придя домой, обнаружила, что платья на месте нет. Лили, таращившаяся на платье, как обезумевшая фанатка Зака Эфрона, отрицала, что брала его, хотя мать видела, что она примеряла платье в комнате Оливии.

– Я сказала ей снять его и вернуть на место, – сказала Шарлотта, наклоняясь к зеркалу и накладывая тушь, которую порекомендовала ей соседка, Джина Сент-Джон. – Ну, ты же знаешь свою сестру.

Шарлотта думала, что Лили берет пример с Оливии, но она чаще обращала взгляд на Лукаса. Лили была также лгуньей, поэтому, не обнаружив платья в ее шкафу, Оливия обра-

тилась к отцу. Дуайт кивком указал на окно, выходившее во двор с гаражом и апартаментом наверху.

– Это не ты прогуливалась там недавно в платье?

– Нет!

– Говорю же, я видел тебя несколько часов назад. Ты чудесно выглядела и поднялась по ступенькам наверх. Платье голубое, да?

Оливия обмерла.

– Это была не я.

Промчавшись через двор и взбежав по лестнице, она влетела в комнату, где, укрытая слоем пыли, хранилась мебель, оставшаяся после бабушки Вэл. Оливия остановилась посередине комнаты и огляделась, пытаясь понять, где могла спрятать платье Лили. Солнечный свет проскользнул между створками жалюзи и разлился по полу. У противоположной стены мелькнуло что-то голубое.

– Нет!

Младшая сестра засунула ее платье за 350 долларов в антикварный сундук бабушки.

Пройдя через комнату, Оливия откинула крышку, выхватила платье и дюйм за дюймом внимательно исследовала его – от расшитого и украшенного блестками лифа до порванной, испачканной в грязи юбки.

– Нееет! Нет, нет, нет... – Слезы скатились по щекам и сорвались с подбородка. Как она могла? Откуда такая жестокость?

До школьного бала оставалось два дня. Времени на то, чтобы спасти платье, уже не было.

Она слетела по лестнице и, прижимая к груди платье, побежала в комнату Лили. Толкнула дверь.

– Как ты могла? – Оливия развернула платье. – Оно же испорчено!

– Я... я... – Лили запнулась. Цветные карандаши выскользнули из пальцев и покатались по полу. В глазах блеснули слезы.

– Объясняй! – крикнула Оливия.

– Не знаю. Я ничего не сделала.

– Это ты. Папа видел тебя.

– Где видел?

– Во дворе. Ты танцевала в грязи. В моем платье!

– Неправда. Клянусь тебе, папа лжет. – У нее задрожал подбородок, и на мгновение у Оливии мелькнула мысль, что отец действительно солгал. Но потом она увидела руки Лили и, схватив их за запястья, повернула так, чтобы они обе увидели запекшуюся под ногтями грязь.

– Лгунья!

– Это краска. – Лили заплакала.

– Не верю. И никогда больше не поверю, что бы ты ни говорила. Вот же доказательство. С этими словами она и вышла из комнаты.

Оливия накрывает крышкой розовую коробку из-под обуви. В этом воспоминании есть что-то, что ее смущает, что не укладывается в общую картину. Ощущение не такое, как было раньше, но что вызвало перемену? Она не может понять. Отодвинув в сторону коробку, Оливия пододвигает клавиатуру и уже собирается зайти на сайт Национального информационного центра и проверить, числятся ли пропавшими Лили или Джош, но от компьютера ее отвлекает стук автомобильной дверцы.

Блейз вернулся.

Желание выбежать и упасть в его объятия так велико, что она встает из-за стола. Нужно рассказать ему о Джоше. Она ведь ничего не знает о детях. Он поможет ей решить, что делать с ним. Но потом в эти мысли вторгается память, и в животе сплетаются и вяжутся в узлы канаты.

Он больше не ее Блейз. Но он выслушает. Может быть, даже поможет, хотя она и не достойна помощи после той сцены, которую устроила утром.

Когда Оливия выходит, Блейз загружает в пикап напольный светильник.

– Какой сюрприз, – бросает он через плечо. – Ты вышла.

Так и есть, но она сожалеет о своем поведении. С ее стороны было несправедливо обвинять его во лжи.

– Если думаешь, что я стану просить тебя вернуться, то ошибаешься. – Необдуманная реплика слетает с губ прежде, чем она успевает упомянуть о Джоше.

– Значит, только ручкой помахать.

Оливия опускает глаза и протягивает коробку, в которую собрала его туалетные принадлежности. Он бросает коробку в кузов.

Она пытается рассказать о Джоше.

– Послушай...

Его рука – знак «стоп» между ними. И слова застревают в горле. Он прислоняется к пикапу.

– Ты, похоже, забыла, как хорошо я тебя знаю. Ты рвешь, даже не подойдя близко.

– Нет, – возражает она, понимая, что именно это и сделала.

– Надо было понять, что так оно и случится. Мы уже достигли опасной черты. – Он грустно улыбается. – Но не все готовы разбить тебе сердце.

Она поджимает губы и складывает руки на груди.

– Из этого ничего бы не вышло. Нам не следовало сходиться. – И тогда не пришлось бы ни о чем беспокоиться.

– Я купил кольцо, Лив.

Воздух с шумом вырывается из ее легких. Оливия невольно делает шаг назад.

– Не ожидала, да?

Нет, не ожидала. Грудь теснится, ей отчаянно хочется почесать горло. К чему бы это?

– Лучше бы не говорил.

– Почему?

Знала бы, что он зайдет так далеко, подвела бы черту раньше. Она смотрит ему за спину.

Блейз трет затылок. Вздыхает.

– Никогда тебе не лгал и начинать не собираюсь. Даже в школе не лгал. Я, конечно, облажался, это да. Видеть не мог тебя с Итаном, но и понимал, что ты с ним из-за меня. – Случилось это годом раньше, уже после того, как Уитмены развелись и доктора диагностировали у Ронды лимфому. Однажды в библиотеке Оливия заметила, как Блейз лапает Мейси Браун. Она не стала тянуть и порвала немедленно. Блейз потом еще несколько месяцев твердил, что виноват. Она уже почти решила простить, но тут он стал встречаться с Мейси, так сказать, официально. Вот тогда Оливия и познакомилась с Итаном.

– Ты никогда бы не сошлась с ним, если бы я не обидел тебя, – сдержанно говорит Блейз и отворачивается.

Она смотрит на него. Откуда это? Парень он не самый эмоциональный. Поэтому ей и нравилось встречаться с ним. Все было просто, легко, забавно и весело. А ведь ей бы следовало знать, что с их историей легкие отношения невозможны.

– Ты вообще понимала, как я дорожил тобой? – Оливия упирается взглядом в землю. Блейз горько усмехается. – Конечно, понимала. А иначе не говорила бы, что мы в расчете.

– Я...

– А что бы ты сказала, если бы я прямо сейчас сделал тебе предложение?

– Прямо сейчас? – Голос предательски срывается. Под мышками проступает пот, и она машинально отступает.

– Ну вот, так и думал. – Он кривит губы в печальной улыбке. – Не знаю, что тебя держит, но пока ты это не преодолеешь, шансов с тобой ни у кого нет. Ты никого непустишь.

Она и не хочет. И вообще намерена и дальше оставаться одна. Но все равно обидно.

– Ты же говоришь, что я – плохой человек.

– Не перевирай мои слова.

– Считаешь, что я ужасная. – Она одна из тех, кто обошелся с ним некрасиво, но остановиться, перестать бросать обвинения невозможно. Она хочет, чтобы ему было так же больно, как и ей тогда.

– Лив. – В его голосе звучит нотка нетерпения. Он тянет ее к себе, так что его губы касаются ее лба, целует... Она вырывается. – Надеюсь, ты будешь счастлива.

– Я счастлива, – огрызается Оливия. Эмоции закипают. Ей уже не нужна его помощь с Джошем. Пусть уезжает, ей тут и без него плохо. Вообще-то она с ним уже все решила.

Блейз смеется.

– До встречи в городе. – Он садится в кабину и трогает с места.

– И я не такая, какой ты меня считаешь, – кричит она вслед и подкрепляет заявление неприличным жестом. Может, смотрит в зеркало заднего вида. – И я счастлива, – добавляет она уже вполголоса, когда пикап сворачивает за угол.

У нее прекрасный дом с чудесным задним двориком. Она была невероятно успешна в карьере и теперь добила немалого на поприще графического романа. Ее первая книга стала бестселлером. Блейз ушел, и она может спокойно вернуться к своей обычной жизни, не опасаясь, что кто-то все испортит.

Но, черт возьми, она снова наедине с Джошем.

Оливия трет щеки. *Успокойся, Лив.* Проблема в том, что она постоянно срывается и плюхается в дерьмо. Блейз ошарашил ее своим предложением, вот она и завелась. Прежде всего необходимо разобраться с племянником. Самой. Как же хочется курить. Ладно. Но сначала она проверит Джоша.

Уже поздно, но из-под двери просачивается свет. Оливия тихонько стучит и, не услышав ответа, приоткрывает дверь. Гость спит. Она идет через комнату к кровати и, перед тем как выключить лампу, смотрит на него сверху.

– Что за...

Джош лежит на боку, подтянув к животу колени и укрывшись по пояс простыней. Он негромко посапывает, и то, что снится, морщинит его лоб. Бейсболка лежит на подушке, волосы разметались, открыв хирургический шрам в форме полумесяца с заметными следами от скоб.

Оливия резко выпрямляется и машинально отступает. Что бы там ни случилось, ударился Джош достаточно сильно, чтобы потребовалась операция. Мозговое кровоотечение? Гематома? Кожа розоватая, значит, все произошло относительно недавно, незадолго до его появления здесь.

Так что же с ним случилось?

Глава 7

День 2-й

Лукас приезжает ровно в полдень. Точно в назначенное время.

– Выглядишь, как отогретый мертвец, – говорит он Оливии, встречающей его у двери.

– Собиралась предложить ланч. – Она зевает, прикрывает ладонью рот и затягивает поясок шелкового халата, надетого поверх жгуче-розовой рубашки и шелковых темно-синих пижамных штанов. Легла Оливия поздно из-за того, что искала информацию по Лили. Пропадавшей она не значится. Как и Джош. Ни он, ни она не зарегистрированы в социальных сетях. В интернете эти двое – призраки. Удрученная, она закрыла многочисленные открытые окна и посвятила остаток ночи последней панели иллюстраций, которую отправила редактору в половине пятого утра. Потом проспала поставленный на 8:00 будильник и проснулась только через три часа от какого-то звона. Как оказалось, Джош разбил тарелку. Следующий час Оливия расхаживала перед окном, поглядывая нетерпеливо на дорогу и спрашивая себя, когда же наконец приедет Лили. Может, она уже близко?

– Где он? – Лукас вытирает ботинки на придверном коврике.

Она кивает в сторону кухни.

– У него ланч.

Открыв дверь шире, Оливия впускает брата в дом. Лукасу она позвонила, поддавшись панике, когда увидела на голове племянника хирургический шрам. Потом ввела брата в курс дела, коротко рассказав о неожиданном появлении Джоша, его странном способе общения, шраме на голове, и предложила свое понимание ситуации. Либо Джош сбежал от матери, либо с их сестрой что-то случилось. Возможно ли, что она в беде? Не стоит ли отвезти Джоша в службу неотложной помощи? Лукас так не думает. Племянник здесь, он ходит и разговаривает, а скоро должна появиться и сама Лили. Когда Оливия попросила помочь, Лукас обещал заглянуть на ланч.

– Сколько у тебя времени?

Лукас смотрит на свой «Фитбит».

– Мне нужно быть на работе через сорок пять минут.

– Хочешь поесть? У меня сыр на гриле и томатный суп. – Кулинарных талантов ей все же не хватает. Суп она налила из банки, а с залежалого сыра пришлось соскрести немного плесени. Не забыть бы потом сделать заказ в бакалейном.

– Так ты покормишь меня в конце концов? Нет, я в порядке. Подзаправился сэндвичем по пути сюда. – Лукас сбрасывает с плеч перепачканную краской фуфайку, роняет ее на спинку дивана и кладет в карман ключи. На руках застывшие брызги голубой краски, ногти обрезаны до мяса. Оливия с трудом подавляет желание отправить брата вымыть руки, прежде чем он начнет что-то трогать. Сухие, ломкие кутикулы охватывают основание ногтей, иссохшая пустыня в конце плато загорелой кожи. Лукас выполняет заказы на малярные работы, и это его единственный источник доходов. Когда-то он хотел стать архитектором, но удержаться на выбранном курсе не сумел.

– Сегодня что-нибудь сказал? – спрашивает Лукас.

– Вообще-то нет. Больше помалкивает. – Насколько смогла понять Оливия, разговаривать ему трудно, он нервничает, расстраивается, закрывается. – Все утро рисовал. У него это хорошо получается. Способности определенно есть.

– Как и у Лили. – Лукас бросает взгляд в сторону кухни. – Помнишь? Она частенько этим занималась.

Оливия кивает.

Сестра, бывало, часами просиживала с карандашами, заполняя рисунками страницы тетради.

– А что ты обо всем этом думаешь? – спрашивает она.

– О чем именно?

– Я имею в виду Лили. Полагаешь, она появится? – В животе неприятное ощущение, как будто жареное яйцо перевернулось на сковородке. Надежда тает с каждой минутой. К этому времени Лили уже должна была бы приехать, ведь так? – В списке пропавших без вести ее нет. Я смотрела. Надо решать, что делать с Джошем.

Лукас поднимает руки и пожимает плечами.

– То есть ты ничего предложить не можешь? – Оливия сникает от отчаяния и досады. Иногда ей хочется взять в руки весло от каяка и треснуть брата как следует, выбить из него это безразличие. – А что, если мы не сможем ее отыскать? Что, если она не приедет, и у нас не получится ее найти? Что мне, скажи на милость, делать с Джошем? Отправить в школу? Позвонить Итану и сказать, чтобы забрал своего сына? А если он не захочет?

Лукас снова поднимает руки.

– Не торопись. Сделай паузу. Давай я познакомлюсь с парнем, а потом скажу тебе свое мнение.

– Только не говори ничего насчет его головы, – говорит она тоном защитницы и со стыдом признает, что уже давным-давно не испытывала ничего даже отдаленно похожего на это чувство в отношении брата и сестры.

– Даже если для этого придется притвориться слепым?

– Он носит бейсболку. И очень застенчивый. Будь с ним помягче. Большую часть того, что ему говорят, он понимает, но чем медленнее, тем лучше. И минимум слов.

– Как скажешь. – Лукас сует руки в карманы заляпанных краской холщовых штанов. – Ты все еще считаешь, что его отец – Итан?

– Да. – Она складывает руки на груди. Дуайт никогда ей не врал. Высадив ее у дома после разговора о беременности Лили, он сказал, что у него есть фотографии Итана и Лили в машине Итана. Он не принес их, не зная, как отреагирует на это Оливия, но предложил прислать по возвращении домой. Мол, только позвони. Оливия не стала звонить. Новость о том, что Лили и Итан вместе, разбила ей сердце. Так что, любоваться еще на фото? Нет, этого она бы не вынесла.

Лукас вскидывает брови.

– Так ты ему позвонишь?

Оливия морщится. Желания звонить Итану нет никакого, но, наверно, придется, если Лили не даст о себе знать.

– Вот что я тебе скажу. Я поговорю с Джошем, посмотрю, можно ли от него чего-то добиться. Если ничего не выйдет, звони Итану.

– Хорошо.

– И ко мне домой он не пойдет. – Лукас смотрит на сестру так, словно знает, о чем она думает.

– Да ладно. Вы с Лили были близки. И ты же парень. Вы сойдетесь.

– Не у тебя одной есть обязательства.

– Обязательства тут ни при чем. – Хотя, конечно, она держит в уме приближающийся дедлайн. – Просто...

– Что?

Оливия складывает руки на груди.

– Так странно видеть его здесь.

– Из-за того, что он сын Итана?

– И из-за этого, и из-за того, как все так повернулось. – Джош – живое напоминание о годах, когда она потеряла из-за Лукаса каникулы на озере, пережила разрыв с Блейзом, предательство Итана и бегство Лили. Темные годы.

Лукас чешет голову.

– Послушай, я сомневаюсь, что парень задержится здесь надолго. Понятно же, что Лили за ним примчится.

– Надеюсь, ты прав, – говорит Оливия, хотя внутренний голос шепчет, что здесь все не так просто, что дело серьезнее, чем кажется. Ночью она познакомилась со статистикой, которая отнюдь не добавила оптимизма. Ежегодно в одних только Соединенных Штатах без вести пропадает шестьсот тысяч человек.

Лукас снимает рабочие ботинки и подталкивает их ногой к стене.

– Отведи меня к нему.

Оливия ведет брата в кухню, где их встречают густые запахи расплавленного сыра и поджаренного хлеба. Склонившись над листом бумаги, Джош сидит за большим фермерским столом и с ожесточением рисует таунхаус, дополненный пальмами, кустиками и скейтом, забытым на чистенькой, словно списанной с открытки, передней лужайке. В какой-то момент он хватается синий графитовый карандаш и с воодушевлением покрывает бумагу длинными штрихами.

Рюкзак стоит на полу, рядом, все кармашки застегнуты, и Оливия впервые за то время, что Джош здесь, думает, что было бы не лишним узнать, что там у него, кроме рисовальных принадлежностей. Телефона, очевидно, нет. А бумажник? Удостоверение? И где находится этот самый таунхаус, который он рисует? Может быть, это его дом?

Оливия останавливается напротив Джоша и ждет, пока он обратит на нее внимание. Ей не хочется напугать его, как это случилось утром, когда, услышав звон посуды, она ворвалась в кухню, позабыв, что племянник еще не проснулся толком и пребывает в состоянии, близком к ступору. Он вскрикнул. Она взвизгнула. Потом ей пришлось еще несколько минут уверять его, что ничего страшного не случилось, что она не расстроилась из-за разбитой тарелки, и выслушивать его извинения. Потом Джош помог собрать крупные осколки и забрал у нее щетку, когда она попыталась подмести мелочь.

Лукас обходит стол и встает неподалеку от Джоша. Рассматривает набросок, детали которого – от точного выравнивания битумной черепицы до четкой передачи зернистой структуры деревянных перил крыльца – впечатляют, учитывая возраст художника. Потом указывает на линию крыши:

– Отличная работа, но наклон неверный. И окна не соответствуют масштабу.

Оливия бросает на брата сердитый взгляд. Не самое лучшее вступление.

Джош роняет карандаш и откидывается на спинку стула. Потом поворачивается и смотрит сначала на Лукаса, а затем на нее. В его глазах круговорот вопросов. Оливия видит это, видит, как шевелятся губы. Он не издает ни звука, только оттягивает нижнюю губу.

К горлу подступает комок. Как же он похож на свою мать. Лили тоже оттягивала губу, когда нервничала.

– Это твой дядя Лукас, – медленно, чтобы ему было легче понять, говорит Оливия.

Лукас протягивает руку.

– Приятно познакомиться.

Джош смотрит на повисшую над рисунком руку. Глаза его расширяются. Оливия замирает, готовясь, если понадобится, вмешаться и снять напряжение. Но Джош сует ладонь в руку Лукаса и, к удивлению брата и сестры, поднимает голову и улыбается. И улыбка у него такая же, как у Лили.

Дышать вдруг становится трудно, слезы щиплют глаза, и Оливия вдруг понимает, как сильно ей недоставало Лили. Неужели она так долго жила с этим чувством? Неужели погребла его так глубоко, чтобы не признавать, что исчезновение сестры оставило дыру в ее душе?

Лукас медленно и шумно выдыхает, смотрит на Оливию, и она понимает, что они оба заметили сходство.

– Да, парень и впрямь похож на нее. – Он вытаскивает кресло, садится и, вспомнив, что у племянника есть уши, поворачивается к нему. – Ты похож на свою маму.

Джош хмурится. Подталкивает пальцем карандаш.

– Я ее брат. Сейчас, покажу. – Лукас вытягивает ногу, достает из глубокого переднего кармана джинсов бумажник, разворачивает и перебирает содержимое – банкноты, пакетик с презервативом, квитанции. Наконец цепляет ногтем фотографию, вытаскивает и показывает Джошу.

Движимая любопытством, Оливия подходит ближе. На снимке они втроем – она, только еще юная, Лукас и Лили – стоят втроем на веранде, и ветер треплет их волосы, а на заднем фоне – серая вода залива. Это их последняя общая фотография. На один из дней рождения отца Шарлотта подарила ему «Никон», и Дуайт повсюду таскал его с собой.

Как раз в то время Оливия приехала домой на новогодние каникулы. Лукас уже переехал в квартиру над гаражом и выглядел, как обычно, угрюмым и апатичным. Отношения с Дуайтом у него не ладились с тех пор, как отец не обеспечил сыну адекватной защиты, которую получили его друзья. Оливия об этом не знала, потому что Лукас ничего ей не сказал. Из них троих улыбалась одна только Лили. Улыбалась так, словно у нее был секрет. Только Оливия знала, что это за секрет. Лили спала с Итаном у нее за спиной и наверняка была беременна в то время, когда их снимал Дуайт. Спустя четыре месяца Лили убежала из дома. А через две недели после этого Оливия порвала свою фотографию.

– И ты все еще хранишь ее? – спрашивает она, удивленная тем, что брат носит снимок столько лет. Удивительная, несвойственная ему сентиментальность, особенно если учесть, что никаких теплых чувств в отношении семьи он никогда не выказывал. Какими же юными они были, когда все вдруг начало рваться. Лукас вернулся домой, отбыв срок за кражу в магазине. Отцу пришлось отменить свою третью кампанию по выборам в сенат из-за плохих отзывов в прессе. А Лили была близка к тому, чтобы пополнить список матерей-подростков.

– Да. Смотри. – Лукас протягивает фотографию Джошу, указывает на каждого, называет имена. – Вот тетя Оливия, вот я, а это твоя мама. Ты похож на нее – такой же подбородок, те же глаза.

Джош долго рассматривает снимок, потом возвращает его Лукасу.

– Где? – спрашивает он и выжидающе смотрит на Оливию.

– В доме твоих бабушки и дедушки, где росла твоя мама.

– Нет, где?

– Сисайд-Коув, примерно в десяти милях отсюда. – Оливия указывает на запад.

– Где? – нетерпеливо, с нажимом повторяет Джош.

– Хочешь знать, где твоя мать? – Она бросает вопросительный взгляд на брата. – Вообще-то мы надеемся, что ты нам скажешь.

Лукас засовывает фотографию в бумажник, а бумажник убирает в карман.

– Она придет за тобой?

Никакой реакции.

– Это она отправила тебя сюда?

Он качает головой. Оливия и Лукас переглядываются.

– То есть она не знает, что ты здесь?

Джош пожимает плечами.

– Куда она ушла? – спрашивает Лукас.

– Ушла.

Лукас вскидывает брови.

– Ушла куда? – повторяет Лукас.

Джош тянет себя за губу.

– Ушла... ушла... – Он вытирает руки перед собой.

Оливия хватается за спинку стула и шепчет:

– Он думает, что она умерла. – В его глазах страх, а у нее иголки по всему телу. Почему он накануне пытался дать ей номер телефона Лили, если знает, что ее нет в живых и ответить на звонок она не может?

– Этого мы не знаем, – говорит Лукас и поворачивается к племяннику. – Она тебя бросила?

– Ушла! – кричит Джош и, оттолкнув стол, неожиданно поднимается. Оставшиеся после ланча пустые тарелки и карандаши скатываются на пол. Он хватается за рюкзак, вешает на плечо и выходит из кухни. Хлопает передняя дверь.

– Куда он? – Оливия бросается вон из кухни. Лукас не отстаёт. В гостиной они подбегают к окну. – Слава богу. – Он здесь. Сидит на нижней ступеньке, закрыв лицо руками. Плечи дрожат.

– Пойду потолкую с ним, – говорит Лукас.

Оливия хватается за руку.

– Нет. Рано. Пусть остынет. – Она терпеть не может, когда кто-то заставляет ее говорить, не дав времени подготовиться. Бедный мальчик.

– Ему отец нужен, а не я, – недобро усмехается Лукас. – У тебя есть номер Итана?

Оливия жестом посылает его куда подальше.

Он фыркает, просовывает ноги в рабочие ботинки и, наклонившись, завязывают шнурки.

– Что он имеет в виду, когда говорит, что Лили ушла?

– Думаю, он считает, что она умерла.

– Да, ты уже говорила. А вот я не уверен. – Лукас кричит и поднимается, подбирает фуфайку, набрасывает на плечи. – По-моему, он не знает, где она.

Хотелось бы надеяться.

– И почему ты так думаешь?

Он пожимает плечами.

– Чутье. Я посижу с ним немножко, посмотрю, не скажет ли чего, а потом на работу.

Оливия откидывает упавшие на лицо волосы. Лукас прав. Не стоит спешить с выводами. Джош путает слова. Возможно, Лили все-таки знает, где ее сын, и однажды появится здесь.

Она провожает Лукаса до двери.

– Спасибо за попытку.

– Не за что. – Он открывает дверь. – Да, а где Блейз?

Оливия вскидывает бровь.

– А тебе не все равно? – Она замечает, как напрягаются пальцы на дверной ручке, и отводит глаза. Да, нехорошо получилось. – Извини. Между нами все кончено. – По крайней мере, они так решили. Утром, еще до того, как она проснулась, Блейз прислал две эсэмэски. Она удалила их, не читая. После того как они расстались накануне вечером, чего еще он хочет?

– Жаль. Мне нравилось, что вы вместе. Ну ладно, удачи с Итаном. – Лукас хлопает ее по плечу.

– Иди к черту.

Дверь захлопывается, обрывая его смех.

Глава 8

Лукас

Лукас опускается на ступеньку рядом с племянником. Джош отодвигается, отворачивается и, оттянув рукава, прикрывает ими глаза. На скулах проступают желваки, губы сжаты – парень притворяется, что не плачет.

Понимаю, малыш.

Подростком ему часто приходилось изображать улыбку, чтобы родители могли делать вид, будто в жизни все хорошо и их сына не отправили в тюрьму за ограбление магазина с использованием огнестрельного оружия, которое принес на место преступления его друг. Что не было другого правонарушения, совершенного уже за решеткой. Все, что Карсоны демонстрировали публике, называлось двумя словами: фейк ньюс.

Родители хотели уверить всех, что его воспитание – образец для сценария какого-нибудь гребаного фильма из той серии, что выпускает «Холлмарк».

Джош шумно и прерывисто вздыхает. Как успокоить парня, Лукас не знает и потому пускается в воспоминания – жалуется на Лили и Оливию, рассказывает, как они росли на воде в Сисайд-Коув, как было клево. После занятий он ходил на каяке и занимался серфингом, да и сейчас не прочь искупаться, если есть возможность.

Лукас не знает, понимает его Джош или нет. Он просто говорит, не умолкая. Но парнишка, похоже, слушает. Ему нравятся картинки на телефоне Лукаса, он смеется над его дурацкими историями. Устав от собственных воспоминаний, Лукас советует племяннику вернуться в дом. Он знает, как тяжело Джошу, через что ему приходится пройти и какие чувства он испытывает, потому что и сам испытал то же самое. Страх узнает страх.

– Присмотри за тетей. Она не признается, но очень за тебя беспокоится.

Лукас шутливо толкает его кулаком в плечо и ждет, пока Джош войдет в дом. Дверь закрывается, и фальшивая улыбка слетает с его лица. Он идет к грузовичку, забирается в кабину и, не пристегнувшись, поворачивает ключ зажигания. Сил хватает на два квартала. Лукас съезжает на обочину, пинком открывает дверцу и идет к сточной канаве. Здесь его рвет.

– Чтoб тебя.

Лили.

Ее сын так напоминает ее саму в этом возрасте, что на него нельзя смотреть без боли. Лили повсюду таскалась за ним. Ждала его после уроков, шла с ним вместе домой. Сидела на полу у его ног, делая домашнее задание, пока он смотрел телевизор. По утрам, когда он возвращался с озера, она ждала его на веранде.

Лукас вытирает губы тыльной стороной ладони и поднимает голову. Поливающая лужайку старушка застыла с зеленым шлангом, свисающим с руки, словно отработавший член, и смотрит недовольно, поджав губы, напоминающие сморщенную задницу. Да уж. В ее рейтинг одобрения он определенно попадет не скоро.

Неподалеку останавливается девушка на трехколесном велосипеде. Указывая на Лукаса пальцем, она поворачивается к женщине.

– Мама, здесь дяде плохо.

– Что я тебе говорила, милая? Указывать пальцем неприлично. – Выражение лица у нее настороженное. На Лукаса она смотрит так, словно предупреждает: с нами не связывайся. Потом делает несколько шагов и встает между ним и девочкой, как будто он какой-то хищник.

Лукас хмурится, возвращается к грузовичку и ищет в «бардачке» пузырек с клоназепамом. Вытряхивает на ладонь таблетку, проглатывает и запивает глотком теплой воды из пластиковой бутылки. Эксперты говорят, что от нее у него будет рак. Как будто ему не наплевать.

Малыш наблюдает за ним из окна. Лукас включает мотор, газует и лишь в последнюю секунду удерживается от того, чтобы дать гудок. Девочка прижимает к ушам ладони и кричит. Лукас едва не глохнет от этих воплей. Черт, ну и легкие у нее. Лицо у женщины красное, как вареная свекла, и она тоже кричит на него. Слов не разобрать из-за шума мотора и детского воя, но добра ему она точно не желает.

Лукас переключает передачу, отваливает от обочины и едет на работу.

Глава 9

Оливия с любопытством наблюдает за братом и племянником через окно гостиной. Когда Лили сбежала, она первым делом позвонила Лукасу. Видел ли он Лили с Итаном? Знал ли, что они встречаются? И что случилось в ту ночь, когда Лила сбежала? Планировала ли она побег заранее? Не Итан ли подговорил Лили уйти, когда родители поставили ее перед выбором: аборт или передача ребенка в приемную семью?

Вместе Лукас их не видел. Домой к ним Итан не приходил. В ночь, когда Лили ушла, его не было, и он не знает, планировала ли она побег заранее. Читать мысли он не умеет. Куда она направилась, не знает, и вообще ему наплевать.

Оливия сказала себе, что ей тоже наплевать.

Просто Дуайт ошарашил ее этой новостью, вот и все.

Но как же так вышло, что она ничего не видела, ни о чем не догадывалась? Что еще ее смутило, так это непонятное равнодушие Лукаса. Брат отказался держать ее в курсе домашних дел и не ответил на вопрос, знают ли о местонахождении Лили родители. Захотела оставить ребенка – ну и пусть.

Оливия грызет ноготь на большом пальце. О чем они так долго разговаривают там, на крыльце? Лукас так спешил, готов был вот-вот сорваться. Она видела, с каким сумасшедшим блеском в глазах он вылетел из кухни. Если бы не Лукас, Джош уже был бы за углом, в окружении машин, деревьев, магазинов. Пока она искала бы ключи и заводила машину, мальчик уже бы потерялся, и вся эта ситуация разрешилась сама собой. Как будто его и не было здесь.

Но тогда и она никогда бы не узнала, почему он приехал. Без него они могли бы и не найти Лили.

Если она еще жива.

Лукас держит телефон, показывает что-то Джошу. Окно гостиной открыто, и она слышит, как смеется племянник. Брат упоминает чье-то имя, рассказывает о проекте, над которым работает. В какой-то момент он тоже смеется, хотя у него это больше похоже на ухмылку.

С первого года средней школы она так редко видела, чтобы брат улыбался. Так что этот момент – историческая редкость. Ее младший брат – непоседа и шутник, вечно ищущий повод посмеяться, разыграть. Это он прилепил скотчем руку Блейза ко лбу, пока тот спал, – она хихикала тогда все утро. Это он поставил Блейзу красную метку над носом и засунул в тапочку Тайлеру резиновую змею. Оливия до сих пор помнит, как взвизгнул Тайлер, когда утром сунул в тапочки ноги. Помнит, как залилась смехом Лили, когда все поняли, что змея ненастоящая.

Единственной, кого Лукас не разыгрывал, над кем не подшучивал, была младшая сестренка. Он заботился о ней и оберегал лучше, чем блокирующий защищает квотербека.

Грусть сжимает грудь, стягивает кожу вокруг глаз.

Как бы ей хотелось вернуть того младшего брата, не обремененного проблемами, которыми нагроулила его жизнь. Он должен был стать архитектором. Должен был играть в футбол за университетскую команду. Должен был окончить среднюю школу с отличием. И Лили должна была окончить школу и поступить в колледж. Изучала бы искусство и дизайн, участвовала в соревнованиях по плаванию. Она бы наверняка получила стипендию – у нее так хорошо все складывалось. Но в какой-то момент, ближе к каникулам, ее жизненный путь пересекся с тропинкой Итана. Бойфренд Оливии переспал с ее шестнадцатилетней сестрой, и она сбежала, беременная.

Нужно – как бы ни страшила ее эта мысль – позвонить Итану, выполнить данное брату обещание. Но сначала надо найти его номер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.